

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Центр. Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

Издание Государственного Издательства.

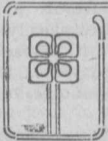
Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 18. Тел. 27-38.

Прием у секретаря редакции ежедневно от 11 до 1 ч. дня.

№ 6.

Февраль.

1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Международная революция и пролетарская культура. В. Керженца. — Об идеологии. Ф. Калинин. — Очередные вопросы. В. Полянский. — Методы работы «Пролеткульта». В. Керженца. — Теория и практика. Т. Себальников. — План организации Пролеткульта. — Педмествя. Стих. М. Рубинштейн. — Хроника Пролеткульта: В провинции. Ст. Кривоцов. — Пролетарские культ.-просв. организации. — Библиография: «Пролетарский сборник» В. Полянский. — «Вестник жизни». В. Куновин. — «Грядущая Культура». П. П. — «Завод огнекрыль». А. О. — С. Малашкин. «Мускулы». А. О. — С. Есенин. Преображение. В. Г. — П. Орешин. «Красная Русь». В. Г. — С. Срединский. «Основы газетного дела». М. М. — «Завороженные». В. Полянский. — «Мир и человек». П. П.

Международная революция и пролетарская культура.

Созидание пролетарской культуры должно совершаться в международном масштабе. В противоположность старой культуре, развивавшейся на национальной основе в рамках отдельных государств, культура пролетарская будет твориться на основе чисто классовой. Она разрывает с национальным во имя общепролетарских, т.-е. в конечном счете общечеловеческих задач, она сметает границы и водоразделы ради объединения всех трудящихся. Конкуренция отдельных национальных культур сменяется тесным, дружеским сотворчеством пролетарских масс над выработкой новой культуры. Мировой пролетариат объединяет свои творческие усилия во имя этой великой культурной задачи.

Казалось бы, что сам характер выявления отдельных областей культуры как нельзя более содействует совместному творчеству отдельных народностей даже в период буржуазного господства. Язык музыки интернационален, данные науки не носят отпечатка страны, где они добыты, произведения поэзии и литературы легко доступны людям разных национальностей, архитектурные и живописные памятники находят ценителей в разных государствах. И, конечно, даже буржуазная культура имела тенденцию к международности, поскольку она являлась отражением идеологии всюду господствовавшего класса, поскольку сам капиталистический процесс производства принимал интернациональный характер.

Но буржуазная культура в то же самое время разрывалась на части, благодаря характерной тенденции буржуазного общества, направленной к эгоистической замкнутости отдельных государств. Стремление буржуазии отдельных стран быть первой в мире и подчинить весь свет своему экономическому, а, следовательно, и культурному влиянию, естественно порождало озлобленную и свирепую борьбу между народами и злобную конкуренцию их культур. Англия провозглашала хламом все, что исходило из Германии, Франция издевалась над английской культурой, Америка смотрела свысока на достижения культуры русской.

Так тенденция буржуазной культуры быть единой и международной ослаблялась и сводилась на нет, благодаря этому характерному противоречию

капиталистического общества—взаимной конкуренции, борьбе за первенство. Даже сама работа пролетарских масс над своей культурой носила на себе тот же отпечаток эгоистической замкнутости и национального духа, что ярко проявилось в годы войны.

Чтобы заложить прочный фундамент под новой культурой, пролетариату предстоит заново проделать работу по воссозданию Интернационала и истинному объединению рабочих масс вокруг общих лозунгов. Новое международное единство создается при изменившихся условиях—под громы грандиозной социалистической революции. Только разрушение капиталистического мира даст прочную базу для нового сплочения сил международного пролетариата и работы над пролетарской культурой.

Характерно, что первая сознательная работа такого рода была начата по новому плану и с новыми заданиями в России, стране с невысокой общей культурой. „Культурная Европа“ не обращает еще такого внимания на эти задачи именно потому, что там не разрешились основные вопросы борьбы за власть и экономическое господство.

Прежде чем пролетариат сможет приступить к интенсивной работе над своей культурой, он должен захватить власть и установить свою железную диктатуру. Только после разрушения буржуазного господства и начала социалистического строительства, когда все области жизни преобразуются на новых основаниях, откроются неограниченные возможности для работы над пролетарской культурой.

Начавшаяся мировая революция разворачивается таким грандиозным образом, что, повидимому, уже недалеко время, когда в большинстве стран создадутся эти необходимые предпосылки для пролетарского культурного творчества.

Даже полгода назад враги Советской России издевались над большевистским лозунгом, направлявшим всю работу по пути международной социалистической революции. Не только буржуазные идеологи, но даже лица, называющие себя марксистами („меньшевики“) и социалистами („с-р-ы“), открыто издевались над прогнозом т. Ленина, предрекавшим мировую революцию, как неизбежное завершение войны. Теперь, после германской революции, эти же скептики, совсем забывая о своей близорукости, начинают защищать новую теорию, утверждая, что революция захватывает лишь страны *побежденные*, минуя страны-победительницы, т.е. в данном случае главный комплот империалистических держав во главе с Америкой и Англией.

Однако несомненно, и на этот раз господствующая скептики окажутся плохими предсказателями. Мировая революция идет гигантскими шагами, и быстро расчищается путь для победоносного шествия пролетариата.

Австро-германская революция, даже в том незавершенном виде, в каком она находится сейчас (с „Учредилкой“ и Эбертом, с союзом социал-предателей и буржуазии), имела исключительное влияние на „развязывание“ пролетарской борьбы в Европе.

Два ее результата уже успели ощутительно сказаться. Прежде всего она чрезвычайно улучшила положение Советской республики.

Внешнее укрепление Российской социалистической республики значительно увеличило шансы мировой революции, так как дало новые силы стране, где впервые пролетариат стал у власти. Еще более значительно было влияние германской революции на Европу. Идеи большевизма, завоевав себе почву в Германии, начали перекидываться в соседние мелкие и крупные державы. И если на образование советов в России европейские социалисты могли смотреть недоверчиво, то аналогичный процесс в стране высокой культуры невольно давал почву для аналогий и обобщений. Становилось ясным, что борьба пролетариата за власть и диктатура пролетариата поистине являются очередными историческими задачами.

За последнее время мы замечаем, что революционное брожение приняло особенно сильные формы именно в наиболее консервативной стране—Англии.

Сейчас, вопреки ожиданиям, именно она наиболее подвержена революционным взрывам. Ирландия объявила свою независимость и готова бороться за это с оружием в руках. В Индии, Юж. Африке, Канаде все сильнее дают себя знать сепаратистские стремления к автономии, грозящие развалить империю на куски.

Во Франции и Италии усиливается революционное брожение как в армии, так и среди рабочих масс. Даже в нейтральных странах, менее затронутых войной (Голландии, Испании, Швеции) борьба рабочих за власть принимает формы вооруженных выступлений. В самой „непобедимой“ Америке, разбогатевшей на войне, возникают советы рабочих депутатов, и подымается флаг коммунизма.

Эти революционные тенденции побуждают империалистские правительства напрячь все силы для борьбы против „большевизма“, т. е. мировой революции. Именно в этих целях создается „лига наций“—этот империалистский трест. Именно эту задачу преследует и „желтый интернационал“ социал-патриотов, объединивший все силы предателей рабочего класса на конгрессе в Берне.

Но ход событий с несомненностью показывает, что международная революция становится основным фактом момента. Полная победа пролетариата над своими врагами—дело ближайших лет. Социалистическое строительство скоро разовьется в исключительном масштабе. Путь ближайших лет ясен,—он даст пролетариату не только власть, но и передаст в его руки все материальные возможности для созидания своей культуры—орудия производства, университеты, музеи, библиотеки, школы, книжное дело и т. д.

В скором времени пролетарская культура станет подлинно твориться пролетариатом всех стран как единая, целостная культура нового класса. Но и теперь уже мы можем подготовить почву для этой грядущей совместной работы. Прежде всего предстоит, конечно, наладить пути взаимного сближения и ознакомления. Надо обменяться накопленным опытом, дать знать о достигнутом, наметить общие задачи. Надо, напр., ознакомить наших западно-европейских товарищей с работой русских пролеткультов и с достигнутыми ими успехами.

Надо почерпнуть и от западно-европейских работников материал о том новом, что за последнее время сделано и намечено в странах Европы в области пролетарской культуры. Конечно, сейчас в этом случае на нашем пути лежит много препятствий чисто внешнего свойства, но мы можем уже подготавливать такое сближение русских пролеткультов с аналогичной работой в Европе.

Несомненно, можно будет легко столкнуться не только относительно общих задач работы, но и тех общих методов, какими она будет осуществляться. Здесь предстоит широкий обмен опытом прошлого. Пьесы, которые выбирали рабочие кружки для своих постановок, возможно, целиком подойдут и нам. Стихи наших пролетарских поэтов, переведенные на иностранные языки, будут близки и понятны западно-европейским пролетариям. Задачи в области науки будут целиком совпадать.

На ряду с выработкой методов объединения всей работы над пролетарской культурой, вероятно, придется поставить и ряд проблем об облегчении культурного общения рабочих всех стран между собою. Революция уничтожит заставы и границы, но надо будет разрушить и другие препятствия, положенные между народами прошлыми веками. Придется, напр., подумать и о международном языке, как о новом культурном завоевании и техническом средстве взаимного общения.

Чем дальше пойдет мировая революция, тем более широкое поле расчистится для пролетарской культуры, и тем грандиознее станут ее задачи. Ход событий заставляет нас думать, что успехи социалистической революции уже в скором будущем раскроют новые возможности перед работниками пролетарской культуры. Вопрос о создании „международного пролеткульта“ становится на очередь дня.

В. Керженцев.

Об идеологии

I.

Социалистическое строительство предполагает планомерность организации и точный учет производимого и распределяемого. Власть стихийности в общественном развитии постыженно, шаг за шагом, должна уступить место власти сознательности,—контролю и регулированию. Наиболее сложная сторона учета общественной жизни, это—культурное строительство в его просветительно-творческой части. В завоевании этой области мы встречаем огромные препятствия—в ее малой оформленности и определенности и в ее природе, не допускающей настоящего взвешивания и измерения. В хозяйстве все поддается арифметическому учету со стороны веса, протяжения, содержания. В области же культурно-просветительной учитывать взгляды, мировоззрения, обычаи, нормы, мораль—дело весьма трудное. И, однако, отказаться от преодоления этой стороны учета мы не должны,—социалистическое строительство это требование предъявляет, как неотложное.

Учитывая все, мы должны учитывать и власть быта. Пролетариат в капиталистическом обществе находится под властью буржуазного быта. Власть эта велика. Борьба с нею и выяснение ее влияния на пролетариат поможет осветить нам роль идеологии в процессе развития рабочего движения. Перед нами стоит эта задача как неотложное требование момента, от решения которой в значительной степени зависит возможность нащупать правильные пути культурной работы пролетариата. Теперь, когда социалистическое строительство конкретно, реально осуществляется в жизни, мы уже не можем ограничиться общими положениями марксизма, что общественное бытие определяет общественное сознание и что способ производства есть база идеологической надстройки.

Эти положения, конечно, продолжают служить для ориентировки в общественно-классовой борьбе, для установления основной революционной линии рабочего движения. Ими мы могли в достаточной мере руководствоваться, пока нам приходилось намечать общие пути и решать практические вопросы общей принципиальной важности, и постольку, может быть, не было особой нужды в их развитии и детализации. Теперь пролетариат производит генеральную постройку всего общественного здания со всеми его разветвлениями и лабиринтами. Ограничиться в данном случае мерой старого аршина, при помощи которого не представляется возможным учитывать всю точность мельчайших конкретных проявлений, значит топтаться на одном месте, не двигаясь вперед. Держась исходной точки, необходимо перейти к инструментам более тонкого калибра, которые могли бы учитывать противоречия и капризы общественной жизни в ее живом строительстве.

В связи с этим стоит вопрос о более точном учете роли идеологии, об ее значении, как определенного фактора общественного развития.

Карл Маркс показал происхождение идеологии из материального фактора—способа производства, трудовых процессов; но он не успел установить более точного и конкретного ее значения или как определенной силы сопротивления, когда идеология застыла в виде нормы, обычая, правила, в форме определенной идеи в картине, в литературном или музыкальном произведении, или как силы, выражающей воздействие на общественное развитие воплощенной в той или иной форме социалистически-революционной идеи.

При этом нужно заметить, что у нас нет более или менее точного учета и самого материального фактора,—той стихии, которая заставляет приспособляться к себе, которая мертвым языком диктует определенные человеческие отношения общественной жизни и в них дисциплинирует людей. Эти вопросы встают перед нами как неизбежные и необходимые на пути социалистического строительства со всем его сложнейшим механизмом. Мы не можем перешагнуть через них, поскольку не хотим в нашей борьбе плыть с закрытыми глазами.

и тыкаться, как тыкаются слепые котята, на все предметы, лежащие на пути их передвижения. Мы стремимся сознательно овладеть процессом общественной перестройки, и это требует от нас решения указанной задачи.

Если бы нам пришлось определять революционность и социалистичность пролетариата данной страны, руководствуясь прямым смыслом основных положений марксизма, то у нас получился бы такой вывод: чем развитие капитализм данной страны, тем должны быть острее классовые противоречия и тем революционнее, а следовательно, и социалистичнее пролетариат.

Так это и есть на самом деле в перспективе истории революционно-социалистического развития в целом, в полном его объеме. Этим положением необходимо руководствоваться при общем историческом освещении рабочего движения. Но было бы большой с нашей стороны наивностью, если бы мы столь же прямолинейно и элементарно брали это положение за руководство в вопросах тактики, для определения и освещения наших практических шагов каждого данного момента. К сожалению, от примитивности упрощенного понимания не свободны многие из наших ближайших товарищей. На самом же деле достаточно поверхностное знакомство с рабочим движением Западной Европы и Америки, где, несмотря на развитость капитализма, рабочее движение имеет весьма сомнительную революционность, но зато господство оппортунизма и социал-соглашательства не вызывает никакого сомнения.

Выяснить причины такого противоречия нам поможет лучше всего восстановление картины быта западно-европейского пролетариата.

Мы полагаем, что для этой цели больше всего подходит положение французского рабочего, который занимает среднее положение среди пролетариев развитых капиталистических стран как по экономическому, так и по культурному уровню. Весь быт французского рабочего представляет типичнейшее мещанство. Он — раб обстановки и сложившихся условий. Власть условности царствует над французским рабочим, и этому всеми мерами содействует буржуазный строй. Средний французский рабочий почти немислим без зеркального шкафа и целого ряда других мебельных принадлежностей. Эту привязанность к зеркальному шкафу, как потребность французского рабочего, всеми силами поддерживают доладельцы. Они запрещают впускать рабочих в квартиры без установленного количества и определенного качества мебели.

Несмотря на живой и подвижной характер французского рабочего, жизнь его строго размерена и лишена неожиданностей. Расход его строго вычитаны и оборачиваются в неизменно установившихся привычках. Это дает ему возможность регулировать свои остатки, которые воспитывают в нем надежду достигнуть через некоторое количество лет идеала почти каждого французского рабочего — стать хозяином. Из этого проистекает особенная любовь к деньгам. Французский рабочий лишь в редких случаях отказывается от сверхурочной работы, несмотря на то, что она там оплачивается обычным образом, как в нормальное рабочее время.

В праздник, в день отдыха, он идет с женой сделать променада, прогулку, заходит обычно в одно, облюбованное раз навсегда, кафе и сидит часами за стаканом вина или кофе. Это без особых изменений и вариаций повторяется в каждый день отдыха. В работе он почтительно относится к своему мейстеру, специальной профессии, и не любит ее изменять.

Кроме газет, он редко что читает, при этом всегда одну и ту же, чаще всего буржуазную. Этими и другими мелочами регламентируется вся жизнь французского рабочего. Относительная обеспеченность закрепляет установившееся заплесневелое болото мещанского счастья и защищает его от социалистических идей, как броней.

Приведенный пример положения западно-европейского рабочего показывает, что идеология сложившегося быта сковывает и создает тормозящие препятствия развитию классовых противоречий и задерживает оформление новой идеологии; той идеологии, которая соответствовала бы уже вполне сложившимся объективным экономическим условиям способа производства. История

развития общества льет воду на нашу мельницу, направление его пути ведет к социализму, но без активного и сознательного вмешательства в практический процесс формирования общественного строя пролетариат двигался бы к своему идеалу слишком медленно. Во время своего движения капитализм скапливает ядовитые испарения в виде идеологических иллюзий, которые дурманят рабочему классу сознание, и от этого путевые задержки рабочего движения становятся слишком затяжными и болезненными. Только острота развития классового сознания поможет пролетариату освободиться от дурмана отживших идеологий и разрывать хитро построенные буржуазные сети.

II.

В нашей статье „Идеология производства“ мы указали, что в классовом обществе одновременно живут и оказывают влияние на формирование человеческого сознания идеологические пласты, расположенные в ряд этажей, своеобразно переплетаясь и связываясь один с другим. Естественно, что наиболее влиятельной идеологией в смысле распространенности при данных исторических условиях оказывается та, которая принадлежит господствующему классу. В капиталистическом обществе таким господствующим классом является буржуазия. Она пользуется принудительным аппаратом политической власти и распространяет при помощи этого аппарата свою идеологию во все уголки и закоулки общественной, семейно-бытовой и индивидуальной жизни. Систематическое и принудительное распространение идеологии при наличии разнообразных форм отсталого производства дает возможность буржуазии отравлять и затемнять сознание наиболее опасному и беспощадному ее врагу—пролетариату. Кроме сознательного воздействия со стороны буржуазии на пролетариат, эту задачу облегчают и стихийные факторы. Сам пролетариат формируется из аморфного многочисленного крестьянского слоя со всеми задатками мелко-буржуазной психологии, с которыми значительная часть пролетариата не успела еще порвать. Самую существенную помощь буржуазному влиянию на пролетариат оказывают ей мелко-буржуазные идеологи, усвоившие революционную фразеологию и некоторые социалистические принципы. Их влияние на пролетариат было закреплено тем обстоятельством, что они начали свою деятельность в тот момент, когда социалистические принципы были словесной пропагандой, выражавшейся в фехтовании и жонглировании этими принципами, без прямого и ясного отношения к жизни. Когда же пришло время проводить социализм в жизнь, то объективно эти господа оказались предателями социализма.

Все это говорит за то, что в своей борьбе за социализм мы должны опираться не только на материальное развитие производства, которое складывается само по себе стихийно таким образом, что способствует неизбежно своим ходом осуществлению социализма, но и на нашу активность, проявляющуюся в систематическом, планомерном разрушении старой, отжившей идеологии. В какой бы костюме ни рядилось буржуазное влияние на идеологию пролетариата, в форму ли искусства для искусства или „чистой науки“, задача действительных социалистов беспощадно со всей резкостью разоблачать их. Всякая компромиссная позиция в области идеологии поддерживает влияние буржуазной идеологии на пролетариат, и тем самым она будет преступна по отношению к социализму.

Вспомним довоенный период, когда меньшевики, эти представители мелко-буржуазного оппортунизма, призывали нас тащиться за массами и боролись против идеи активного воздействия на массы. Большевики в свое время метко заклеймили тогда их именем хвостистов. В отличие от них большевики призывали поднимать массы до себя. Эту революционную тактику они проводили последовательно до конца. В первую революцию 1905 года меньшевики призывали к соглашательству с буржуазией, а в момент реакции призывали ликвидировать нашу партию,—большевики беспощадно разоблачали их на всех стадиях партийной борьбы.

Переживаемая нами революция подтвердила и оправдала поразительную прозорливость и правильность общей тактики большевиков. Чем резче и определеннее разоблачали большевики мелко-буржуазную природу меньшевиков и чем резче размежевывались с ними, тем в большей мере способствовали наиболее правильному воспитанию классового сознания пролетариата. Тем и велика заслуга большевиков перед революцией, что они облегчили пролетариату освобождение от буржуазного влияния и этим самым способствовали быстрее пережить иллюзию сотрудничества с буржуазными классами в первоначальный период революции. Весьма наглядное и яркое подтверждение нашей мысли мы можем найти в западно-европейском и американском развитии социализма, которое в то время ярко выясняет роль и значение идеологии в жизни.

Долгий парламентский период служил для западно-европейского и американского рабочего отдушиной, через которую сглаживалась острота классовых противоречий и закреплялся в рабочем классе целый ряд вредных и реакционных иллюзий. Проводимые в парламенте мелкие улучшения поселяли в рабочем классе надежду, что при помощи их он постепенно достигнет царства социализма. Преобладавшие среди официальных вождей оппортунисты вместо выяснения истинной природы орудия парламентской борьбы поддерживали всей силой эту вредную иллюзию и выдвигали для защиты ее арсенал своих знаний и социалистической фразеологии.

Некоторая видимость благополучия передового слоя рабочих еще больше закрепляла указанное положение и тем самым оправдывала тихое мешанское болото пролетарского житейя, делая его мало доступным революционно-социалистической агитации. Чтобы хоть сколько-нибудь раскатать западно-европейский пролетариат, необходимо было пережить мировую бойню, кошмар мирового одиночия и невиданного историей зверства. Но идеология так консервативна, ее старые формы так впились в плоть и кровь масс, что и это является мало достаточным. Пролетариат крайне медленно освобождается от буржуазного влияния и его главной опоры—идейного оппортунизма.

Это опять свидетельствует о цепкости и консервативности идеологии и лишний раз должно толкать на усиление активной, последовательной, самой революционной, классовой социалистической пропаганды, на беспощадное разоблачение всех старых иллюзий и всех ухищрений поработителей рабочего класса. Для русского рабочего достаточно наглядны результаты активной пропаганды и агитации большевиков, которые разоблачали преступную буржуазность меньшевиков, их тупую и упрямую пропаганду за мирное и любовное сожительство с буржуазией. Рабочий класс хорошо помнит, какую жестокую борьбу пришлось выдержать большевикам меньше с самой буржуазией, чем с защищавшими ее силами меньшевизма и эсэровства. Теперь мы только можем жалеть, что еще недостаточно были резки и тверды по отношению к ним.

Все эти факты и уроки истории достаточно убедительны, чтобы показать, что экономическая подоплека развитого капитализма сама по себе еще мало достаточна, чтобы служить проявлением сознания класса. Она, как мертвая стихия, требует своего осознания и оформления в идеологию, которую потом и необходимо со всей резкостью и силой противопоставлять ожившей. Всякий компромисс, всякое соглашательство в области идеологии преступно по отношению к идеалу.

Вот пример. Буржуазная мысль вопросы государственной организации, права, морали постоянно стремится решать с точки зрения „чистых принципов“ государственности, справедливости и т. п. Вся официальная наука старых юридических факультетов была пропитана схоластикой этого рода. Для пролетария это—фетишизм: и государственность, и право, и нравственные правила для него—практически-организационные формы, судить о них и пользоваться ими надо с практически-организационной точки зрения. А „чистые принципы“, юридические и моральные, это только самые широкие обоб-

ждения форм социальной организации, выработанных прошлым; и понятно, что они именно закрепляют прошлое, которое в них обобщено. Поэтому, кто начинает судить о революционных задачах на основе «чистых принципов», тот обязательно тянет к прошлому, хотя бы думал совсем иное. Так, напр., вопрос о диктатуре пролетариата часто рассматривают, исходя из принципа демократии; на такую позицию сбивается Карл Каутский в своей последней книге; вот это и значит рассматривать вопрос оппортунистически, подменяя пролетарскую практически-организационную идею буржуазной точкой зрения, по которой демократия, как принцип, есть благо сама по себе, а не просто организационная форма в ряду других форм. Этим затемняется классовое сознание и указывается неправильный путь к решению важнейших вопросов революции.

Классовая борьба требует строго определенной классовой постановки идеологии и резко обозначенной формы, чтобы не было возможности всякого рода культурным наемникам истолковывать вопрос применительно к тем, кому они находят выгодным продаваться.

Обывательская снисходительность и оппортунизм в классовой борьбе не могут иметь места, а в области культурного строительства снисходительность и неопределенность должны иметь место еще меньше, чем в политической борьбе, потому что размежевание и определение пролетарских линий в культурной работе только что начинаются и не обозначились еще с необходимой резкостью.

Среди наших ближайших товарищей мы часто можем встретить насмешливо относящихся к пролетарской науке, к пролетарскому искусству. Они с самодовольством ограниченных людей обыкновенно говорят: скажите, какая может быть пролетарская математика, пролетарская бухгалтерия?—совершенно не понимая, что математика и бухгалтерия имеют ценность и значение не сами по себе, а как классом они практически применяются и как организуют жизнь. Тут и сказывается консервативность идеологии. Она должна разбиваться не только самим стихийным ходом развития, но и предупреждаться сознательной пропагандой и агитацией со всей возможной активностью и энергией.

Федор Калинин.

Очередные вопросы.

1. О коллективном творчестве

Противопоставляя пролетарскую культуру индивидуалистической культуре буржуазного мира, мы всегда выдвигаем положение о коллективном творчестве, свойственном укладу грядущей жизни во всех ее проявлениях.

Эта бесспорная истина, как и многое другое, стала прочным достоянием широких пролетарских масс, вошла в их жизнь; но далеко не все сознают ясно, что такое коллективное творчество.

Многие разрешают этот вопрос крайне односторонне. Под коллективным творчеством они разумеют, если не исключительно, то по преимуществу, коллективную постановку задачи, коллективное ее теоретическое разрешение и практическое выполнение.

Например, в целях организации общественной воли в определенном направлении, необходимо в художественно-литературной форме, в ярких, захватывающих читателя образах, выявить те или иные общественные настроения, которые могли бы способствовать разрешению стоящей перед обществом социальной задачи. Коллектив не только разрабатывает план будущего литературного произведения, но и выполняет его: один пишет одну часть, другой—другую; часть коллектива следит за организацией произведения со стороны идейной, содержания, интереса и привлекательности фабулы,—остальные члены

коллектива выправляют работу со стороны технически-архитектурной или техничеки-стилистической.

Мы не отрицаем возможности, а в некоторых случаях даже и необходимости коллективного творчества в указанном смысле. Наоборот, мы считаем его исторической неизбежностью и видим в нём глубокое воспитательное значение. Интеллигенция буржуазного общества, несомненно, увидит в коллективном творчестве посягательство на индивидуальность и на свободу творчества. Об этом она нервно заговорила даже при отмене буквы «ѣ», заткнув песню о свободной птице, которой будто бы приказывают лететь то вправо, то влево. Буржуазные художники, индивидуалисты до мозга костей, конечно, не смогут понять сущности, красоты и наслаждения коллективного творчества; они привыкли творить в одиночку, из-за конкуренции на литературном рынке, скрывая друг от друга свои замыслы. Другое дело—пролетариат; каждую вещь даже и в буржуазном обществе он производит коллективно; тем более ему свойственно коллективное творчество в новой жизни, когда жизнь станет настолько многогранной, что одному человеку не объять ее целиком; и в этом коллективном творчестве пролетарий не будет чувствовать разлада со своим «я», так как его «я» идет к слиянию с обществом, как коллективом, разрешающим интересы всех своих членов.

Признавая неизбежность и воспитательное значение коллективного творчества, важно и необходимо указать, что пролетариат, выдвигая вопрос о коллективном творчестве, прежде всего должен видеть не ту или иную форму технически-творческого процесса, хотя бы и коллективного, а его содержание, его идейность; важно, чтобы творчество было коллективистично по своему существу, своему направлению.

Коллектив высоко талантливых лиц, и даже глубоко сознающих тенденции исторического процесса, несмотря на коллективное творчество в смысле совместного обсуждения и выполнения плана, может идти, и в буржуазном обществе идет, в разрез с пролетарской идеологией.

И наоборот,—индивид самостоятельно, без всякой посторонней помощи может дать глубоко-коллективистическую художественную ценность, даже и тогда, когда он не отдает себе вполне ясного отчета в ходе социального прогресса. Тут помогает ему «подсознательное».

Если под коллективным творчеством понимать только совместный замысел или совместное выполнение, то народные песни, былины, сказания, духовные стихи и т. п. придется признать пролетарскими, потому что они складывались и оформлялись в процессе коллективного творчества. Но этого мы не сможем сделать по той простой причине, что, например, в лиро-эпических песнях изображаются по преимуществу деяния князей, дружинников и вообще знатных людей того времени, и делается это с целью поднять личность князя пред современниками и тем самым затмить других князей. Позже, когда в окско-волижской Руси стала развиваться и укрепляться идея самодержавия, а удельно-феодалные отношения постепенно исчезали, княжеско-дружинный эпос вызвал в правящем классе подозрение и враждебное к себе отношение. Перенесенный гонимыми скоморохами на наши северные окраины и в Сибирь, эпос потерял свой прежний лик и «окрестьянился» опять-таки в процессе коллективно-творческого приспособления к запросам тогдашней крестьянской жизни.

Каждый, даже не искушенный в вопросах пролетарской культуры, ознакомившись с древним устно-коллективным творчеством, почувствует, что оно глубоко проникнуто авторитаризмом, индивидуализмом, и нет в нем пролетарского коллективизма.

Во многом отрицая современный театр, приспособленный, главным образом, к изображению индивидуальных драм и индивидуальных переживаний,—мы в то же время не можем сказать, что те инсценировки «Зорь» Верхарна и стихов Уитмена, которые ставят Петроградский и Московский Пролеткульты, делают театр пролетарским. Несмотря на свои недостатки, эти инсценировки

интересны, но многоголосная декламация и присутствие на сцене толпы еще не вливают нового содержания в театр.

Словом, коллективное творчество в отношении замысла и выполнения не является каким-то решающим признаком пролетарского искусства. Оно свойственно нашему древне-устному эпосу; оно известно было в древней Греции, а также и в другие периоды истории.

Выясняя роль личности в поэзии и превращение последней из коллективной в личную, А. Н. Веселовский в своей работе „От певца к поэту“ пишет: „Выход к субъективности совершился постепенными *групповыми выделениями* культурного характера. Когда из среды коллективно настроенной выделится в силу вещей кружок людей с иными ощущениями и иным пониманием жизни, чем у большинства, он внесет в унаследованные лирические формулы новые сочетания в уровень с содержанием своего чувства; усилятся в этой сфере и сознание поэтического акта, как такового, и самосознание поэта, ощущающего себя чем-то иным, чем певец анонимной песни. И на этой стадии развития может произойти новое объединение с теми же признаками *коллективности* (курсив В. П.), как прежде: художественная лирика средних веков—состовная, она наслонилась над народной, вышла из нее и отошла в новом культурном движении“. „*Личный поэт*,—продолжает автор,—*лирик или эпик, всегда групповой, разница—в степени и содержании бытовой эволюции, выделившей его группу*“.

Это—не совсем точная формулировка, но по существу правильная. „Коллективная эмоциональность“ народа древней лирики, как выражается Веселовский, уступает место „коллективной эмоциональности“ определенной группы общества. Во времена, например, рыцарства выдвигается *личная поэзия*, поэзия своих ощущений, своих стремлений, развивается поэзия и лично-политическая, но эта личность не индивидуальная, а *сословная*, следовательно, коллективная. Она вырабатывает и закрепляет в поэзии ряд требований, необходимых для рыцаря, чтоб отличаться от других групп общества.

В эпоху Возрождения начинается „новое групповое выделение, надолго определившее содержание и формы лирики европейской“. Из сословного общества выделяются интеллигентные группы, которые создают свое культурное единство, вырабатывают свой этический кодекс, заботятся о своем гармоническом развитии, анализируют свои переживания, „разоблачая и взвешивая свои побуждения и влечения, обвиняя себя и защищаясь, стремясь помирить противоречия в органической цельности нравственного „я“. Страстность этого анализа указывает на особый интерес к эгоистической личности, на пену, какая дается самосознанию, идее славы“. Представителем этой эпохи выступают Данте и Петрарка. В это время поэт—не столько представитель сословия, он выступает, как гуманист, как личность.

В этом процессе преобразования певца в поэта, переходе от неорганизованного примитивного коллективного творчества к индивидуальному, личному, много сходного с процессом общественного развития от первобытного коммунизма к индивидуалистической хозяйственной системе буржуазного общества.

Иначе и не могло быть: бытие определяет сознание. Но как в самом бытии не было коллективизма, так не было его и в различных формах коллективного творчества. Коллективизм свойственен только пролетарской поэзии.

В данный момент мы не можем указать больших художественных ценностей, написанных совершенно индивидуально и в то же время строго пролетарского характера, за исключением отдельных стихотворений, но такие вещи, как „Железная Пята“ Д. Лондона, могут быть признаны нашими, хотя они и являются плодом не коллективного, а индивидуального творчества. Они организуют психику и волю человека в полном согласии с коллективистическим мировоззрением пролетариата.

Вот несколько цитат. В споре с епископом Мархаузом Эрнест решительно заявляет: „Он (человек) не должен быть эгоистом, но он останется таковым до тех пор, пока продолжает жить в социальном строе, основанном на этических понятиях свиней“ (капиталистов).

В другом месте Эрнест говорит о людях свободных профессий и об артистах: „Коротко говоря, — все профессора, священники, издатели и т. п. получают свои средства к жизни, обслуживая плутократию, а служба их состоит в том, чтобы пропагандировать лишь те идеи, которые безвредны или желательны для плутократии. Не забудьте, что именно пресса, церковная кафедра и университет формируют общественное мнение“...

Характеризуя олигархию, Эрнест говорит: „Сами олигархи прошли замечательный и, надо сказать, неожиданный путь развития. Как класс, они сами себя дисциплинировали... Сила каждого в отдельности должна была входить в соединенную силу олигархии... Они полагали, что они правы во всем. Они воспринимали аристократическую идею с самого раннего детства. Все их воспитание было пропитано этой идеей, и под конец она делалась их достоинством, входила им в плоть и кровь. Они смотрели на себя, как на тренированных диких зверей, как на руководителей стада животных... Они верили, что, как класс, они поддерживают цивилизацию. Они верили, что как только они выпустят вожи, страшный зверь проглотит их и всякую красоту, и счастье, и радость, и все хорошее вообще, — все потонет в его бездонном пещерном чреве“.

Эти мысли, данные пролетариату в художественной форме, организуют его творческую волю. „Железная пята“ — плод индивидуального творчества, но она проникнута пролетарской идеологией и нам близка.

Д. Лондона считают социализмом и могут возразить, что его произведения тенденциозны.

Возьмем другой пример. Во время эмиграции в одном из заграничных музеев мне пришлось видеть картину известного швейцарского художника Hodler'a. На полотне изображена толпа с воодушевленным взором и с энергично поднятыми руками. Художник изобразил голосование.

В Цюрихском университете на одной из стен вестибюля я встретил картину того же художника на тему „Юношество“. Песчаный обсыпавший скат, покрытый тощим, низкорослым и редким кустарником; в разных позах сидят трое тощих юношей, вызывая у зрителя в памяти фотографии голодающих индийцев. Написаны они яркими красками, но глаза их тусклы, унылы, в теле нет ни капли энергии, а мужские особенности безжизненны и напоминают опавшие свернувшиеся листья поздней осенью.

Hodler — типичный швейцарский буржуа-мещанин, никакого коллективного творчества он, конечно, не признает. Для него это — абсурд малограмотной толпы, оскверняющей „святое искусство“, индивидуальность и т. п. И все-таки Hodler помимо своей воли и своего желания может вдохновить пролетария своим „Голосованием“ на тот или иной творческий порыв, потому что содержание картины проникнуто духом коллективизма. „Юношество“ тоже задумано и выполнено индивидуально, и опять-таки оно сможет сыграть для того или другого из нас колоссальное значение. Являясь острой сатирой на буржуазное общество, картина показывает нам, что современное общество, несмотря на свою блестящую пестроту, обречено на бесплодие и безжизненность даже в лице своего юношества, и никакая наука и искусство не в силах оживить его. Более злую и едкую сатиру на буржуазную культуру, сатиру, организующую наше сознание и чувство и вдохновляющую нас в борьбе со старым миром, трудно создать даже и при коллективном творчестве.

После сказанного ясно, что в выяснении значения и характера творчества надо исходить не из идеи коллективного творчества, как совместной работы, а из идеи коллективизма, в большей или меньшей степени присущей художественному произведению. Коллективное произведение, как мы видели, может быть насквозь пропитано духом буржуазной культуры, и наоборот, индивидуальное творчество может ярко, захватывающе выразить идею коллективизма, душу новой культуры. Первое, коллективное творчество говорит больше о внешней стороне организации творческого процесса и играет второстепенную роль; второе же, коллективистическое творчество определяет содержание, сущность творчества и является главным моментом в работе.

Точно так же надо отличать и индивидуальное творчество от индивидуалистического. Первое может быть по-своему содержанием коллективистично, несмотря на единоличный замысел и единоличное выполнение; второе никогда не может быть коллективистичным, хотя бы и осуществлялось не единолично, а коллективно.

На Первой Всероссийской Конференции Пролеткульта вопрос о коллективном творчестве отдельно не ставился, но в связи с другими вопросами пролетарской культуры поднимался и вызывал обмен мнений не раз. Если одна часть ораторов подчеркивала, что картину можно писать и вдесатером, то другие решительно отстаивали следующее: „Я не согласен принципиально с высказанным мнением о коллективном творчестве; коллективно творить не значит творить картину вместе. Когда говорят о коллективном творчестве, разумеют, что творчество проникнуто духом коллективизма; можно, конечно, писать картину и вдесатером, и все-таки она будет архиндивидуалистична. Если мы обратимся к средним векам, то увидим, что там были люди, которые творили единолично, но их искусство клонилось в сторону коллективизма, общечеловечности, а у сторонников коллективизма часто выходит наоборот. Чтобы создать кадр людей, которые явились бы поборниками коллективизма творчества, надо уместенно развить пролетариат, технику же он получит во вновь создаваемых музеях и студиях“. (Протоколы Первой Всеросс. Конф. Пролеткульта.)

Обратимся теперь из области искусства к области науки, чтобы с точки зрения развития науки осветить вопрос о коллективном творчестве.

На первых порах человеческой жизни опыт был количественно так незначителен, что он легко укладывался в сознании отдельного человека; и только с течением времени, когда жизнь стала сложнее и опыт потребовал определенной организации и систематизации, он распался, чтобы послужить началом различных научных дисциплин; каждая наука, группируя около себя соответствующий опыт, в известном смысле „индивидуализировалась“, благодаря оторванности от других научных дисциплин. Теперь перед нами стоит задача — выявить социальный опыт, взятый из отдельных отраслей знания. Эта задача явно требует коллективного разрешения, благодаря своей сложности и серьезности; и буржуазный мир науки практикует это очень широко, при чем коллективность выполнения переходит нередко даже в коллективность творчества. Разве то или другое открытие не есть результат коллективного напряжения мысли и коллективной организации опыта? Иногда эта коллективность исчезает из виду, благодаря всякого рода случайным и второстепенным обстоятельствам, в других случаях она ясна всем и каждому, но ни в каком случае мы еще не можем говорить о пролетарской науке, организованной на принципах коллективизма. Очевидно, вопрос заключается, главным образом, в методе, при посредстве которого индивид или коллектив обрабатывает опыт, и в точке зрения, с которой плет известная научная работа.

Редактируя протоколы конференции, а, следовательно, внимательно читаясь в каждую строку, я видел, что пролетариат в общем верно разрешает вопрос о коллективном творчестве, но он разрешает его инстинктивно и не во всех случаях правильно: тут он еще во власти «подсознательного» и в путях старой культуры. Чтобы не блуждать в потемках и не вносить путаницы в теоретическую и практическую работу, вопрос о коллективном творчестве должен быть поставлен в ряд неотложных вопросов, иначе мы не сможем двигаться вперед.

II Элемент научности в поэзии.

Выдвигая на первый план коллективизм искусства, мы должны подчеркнуть, что для пролетариата наиболее ценны те произведения искусства, в которых воплощен социальный опыт, а не индивидуальный. Тут искусству так или иначе помогает знание. А это вызывает вопрос о роли наук в искусстве.

В данном случае мы и попытаемся установить определенный взгляд на элемент научности в поэзии.

Когда мы говорим о поэзии, то прежде всего имеем в виду образность языка и его музыкальность. При поэтической передаче опыт выражается при помощи живых образов, в которых с особенной яркостью подчеркиваются и даже преувеличиваются те элементы пережитого опыта, которые почему-либо особенно потрясли психику.

Посмотрим, как познание отразилось в поэзии первобытной эпохи: в песнях, сказках, заговорах и т. п. Конечно, познание того времени не было организовано и высоко, как современное, но оно вполне отражало экономические отношения того периода и иным быть не могло.

Патриархально-родовое общество характеризуется наличием двух видов труда: организаторского и исполнительского. Организаторский труд — руководство, приказание, он требует больших знаний, способностей, понимания и является более сложным, чем труд исполнительский. Исполнительский труд — точное выполнение велений организатора, — этот труд прост и менее сложен, к нему способен всякий. Соответственно взаимоотношениям организатора и исполнителя, как двух основных категорий структуры общества, люди той эпохи и всю природу стали представлять в виде двух начал: вещества и духа, начала организуемого и начала организующего. С этой же точки зрения человек начал рассматривать и самого себя: он нашел в себе организатора — душу и исполнителя — тело. Так сложилось мировоззрение того времени. Оно, как видно, проникнуто анимизмом, т. е. одушевлением всей природы, — дуализмом, т. е. признанием двух начал, — и мистицизмом, т. е. верой в сверхъестественное, в чудо.

В связи с культом предков-организаторов и сил природы как добрых, так и злых, установился обычай обращаться к богам с молитвой и приношением.

Если мы обратимся теперь к первым формам словесных произведений, то без всякого труда заметим, что патриархально-родовая эпоха оставила громадный след на их развитии: человек выразил свое отношение к одухотворенной им самой природе в словах, обозначавших предметы и явления: отсюда — живость и образность языка той эпохи, оставившие свои следы в языках разных народов и до настоящего времени.

Вот овсеневая песня: „Первый терем — светел месяц, другой терем — красно солнце, третий терем — часты звезды. Светел месяц — хозяин сам, красно солнце — хозяйшюка, часты звезды — их детушки“.

В этой песне ярко отразились основные элементы религиозно-авторитарного познания эпохи, которое закреплено значительно раньше в Библии, в словах: „Ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам, звезда бо от звезды разнствует во славе“. Хозяйственная роль лица определяет его место в стихе и образ. Хозяин — главный организатор семьи, он приветствует первым и сравнивается с солнцем, как с первым по величине и самым важным для жизни светилом. Дети или совсем не имеют значения в хозяйстве, или — ничтожное, они приветствуются последними, как звезды.

Образы гостеприимного хозяина, хозяйшюки и детей, — месяц, солнце и звезды, — являются, согласно анимистическому мировоззрению того времени, олицетворением доброго начала; солнце греет и способствует произрастанию, разгоняет тьму, которой может воспользоваться злой враг, и т. д.

Солнце, месяц и звезды фигурируют по тем же причинам и в заговорах. Почти всякий заговор начинается словами: „...Пойду в чистое поле, в темные леса, под ясную зорю, под красное солнце, под светел месяц, под часты звезды“. Весьма вероятно, что в древности заговаривающие не только произносили данные слова, но и совершали соответствующие им действия.

Образы эти вполне гармонируют с познанием своего времени. Между ними нет решительно никакого противоречия. Наоборот, они закрепляют

в народном сознании религиозно-мифическое познание той эпохи и тем самым выполняют социально-организующую роль.

Что же касается эпитетов: „ясное солнце“, „ясен месяц“, „ясен сокол“, как и многих других, то „их тождество, как пишет А. Н. Веселовский, исходило не из сознательного поэтического искания соответствия между человеком и природою, а из физиологической нашей неразборчивости. С тех пор мы научились наслаждаться раздельно и раздельно понимать окружающие нас явления; не смешиваем, так как кажется, явлений звука и света, но идея целого, цепь таинственных соответствий, окружающих и определяющих наше „я“, полонит и опутывает нас больше прежнего“.

На первых порах человеческая жизнь отождествлялась с жизнью природы, а мышление носило мифический характер своего времени. Сравнение превращалось в отождествление. Отсюда возникла, с нашей точки зрения, причудливая цепь научных объяснений явлений природы и жизни человека. В это время складываются суждения: „конь—ворон“, „солнце—колесо“; закрепляется целый ряд эпитетов: „поле чистое“, „буйная головешка“, „ясен сокол“; некоторые эпитеты носят глубоко реальный характер,—например, „лук тугой“, „калена стрела“, „сабля острая“. С течением времени происхождение эпитетов забывается, вкладываемое первоначально содержание утрачивается (кто, например, сейчас может исторически объяснить выражение: „Богатый, что бык рогатый“?), и постепенно начинается обновление эпитетов; вместо „буен ветер“ употребляются „силен буен ветер“ и т. п.

Позже человек начинает обособлять себя от природы и даже противопоставлять себя ей. И чем дальше идет этот процесс, тем больше отождествление переходит в сравнение. Сравнение „молния—птица“, „человек—дерево“ сменяется сравнением: „молния, как птица“, „человек, что дерево“ и т. п. Выступает отрицательное сравнение, когда предметы противопоставляются: „Что не ласточки, не касаточки вокруг тепла гнезда увиваются,—увивается тут родная матушка“. Образные выражения древности, особенно получившие свое начало в обрядах и религиозно-семейных культах, превращаются в символы.

Когда певец в процессе развития устного народного творчества превращается в мастера, в специалиста, образы и символы постепенно закрепляются. И в то время, как, благодаря знанию, часть людей понимает их иносказательно, другие понимают буквально. Выражение „горячее сердце“ мы понимаем, как „пламенный характер“. В былинном выражении „горючее сердце“, „в нем сердце разгоралось“ сердцу приписывалась горючесть в физическом смысле. В 1547 году, во время московского пожара, царь Иван Грозный, бояре, патриарх и простой народ утверждали, что княгиня Глинская со всеми детьми и людьми „сердца человеческие (горючие) вымали и чародейством Москву попалили“.

Но по мере того, как параллельно развитию экономической жизни идет развитие науки, познание предыдущих эпох в некоторых своих частях превращается в заблуждение, в предрассудки, которые мешают организации новой жизни, а следовательно, и образы старого времени, воплощающие отжившую идеологию, несмотря на свою поэтичность, уже не могут выполнять своей социально-организаторской функции и должны быть заменены новыми образами, соответствующими уровню науки.

Буржуазная наука сохранила в себе много следов познания патриархально-родовой эпохи: в ней до сих пор силен дуализм и мистицизм.

И буржуазная поэзия постоянно пользуется образами, заимствованными из времен прошлого, несущими на себе отпечаток отживающей идеологии.

Пролетариат с этим примириться не может. Создавая свою пролетарскую науку, свободную от мистицизма и дуализма, он должен создать такую поэзию, которая шла бы в уровень с научным знанием. А для этого пролетариату придется выработать новый поэтический язык,—свои образы и символы из окружающей жизни,—в свете новой науки, чтобы в противоречии с ней не закреплять старое, умирающее.

Вот стихи С. Есенина:

„О, Родина,
Мое Русское Поле,
И вы, сыновья ее,
Остановившие
На частоколе
Луну и солнце,
Хвалите Бога“.—

Разве это не напоминает древне-русского заговора или причитания? Разве здесь не налицо мистицизм религиозно-мифического познания первобытной эпохи? К чему это рабочему классу?

Еще один пример из „Пролетарского Сборника“ № 1, выпущенного издательством В. Ц. И. К. Советов.

Д. Семеновский пишет о богородице в следующих стихах:

„Ризы—шелка нежноцветные,
Цветиков райских узорней...
Служат ей силы несметные,
Стражи обители горней“.

Приходится констатировать, что образ „цветиков райских узорней“ взят из мифологии и пролетариатом не может быть принят, как подрывающий наше миропонимание и укрепляющий в массах предрассудки и басни о небесном рае. Точно так же и образ „стражи обители горней“—не наш, опять по тем же самым причинам. Оказывается, что в этих четырех строчках „пролетарский“ поэт выразил познание весьма отдаленной эпохи.

Сказанное выше приходится повторить и об обычных образах, которые мы употребляем, не замечая их. Например, „солнце всходит и заходит“, хотя, быть может, нескоро язык приспособится к новому познанию настолько, чтобы употреблять и такие метафоры. Как известно, солнце по отношению к своей системе неподвижно и „всходить и заходить“ оно не может. Это соответствовало пониманию того времени, когда люди были убеждены, что солнце движется вокруг земли. Правда, эти образы не влекут тех страшных событий, которые происходили от „горючего сердца“ во время московского пожара, но они ненужны и мешают проникновению знаний в широкие массы.

Устная лирика черпала свои образы из мира животных, растений и неорганической природы. Пролетариат не может, конечно, игнорировать этих источников, но он подойдет к ним со своей особой точкой зрения; для него „ломать калину“ не значит брать девушку замуж, точно так же „разлив воды“ и „сыпанные жемчуга“ не есть символ печали и грусти.

Поэт берет свои образы из жизни ему более близкой. Если образы и символы старой поэзии в соответствии с хозяйственным укладом жизни брались преимущественно из источников, близких сельскому человеку, то теперь пролетариат черпает свои образы и символы в жизни города, фабрики и завода. „Ясный сокол, черный ворон, русые кудри, девица красная, мать-сыра-земля“ заменяются „стальным хоромом станков, металлическим гулом, канонадой молота и мотора, железными балками, угольниками, кранами, рельсами“ и т. д., управляемыми законами механики.

В будущем, когда пролетарская поэзия охватит всю жизнь, и ее образы станут значительно богаче и разнообразнее; но они всегда должны быть научны, чтобы наука и поэзия могли вместе выполнять организационную роль в жизни.

Остановимся теперь на ритме стиха, на его музыкальности. Ритм, как и другие элементы поэзии, подвержен изменению, он имеет свою историю развития и отражает ритм жизни своей эпохи.

Обратимся опять к первобытному устному творчеству. Оно тесно связано с первобытным общественным трудом и своим происхождением обязано характерным особенностям последнего.

Физический труд сводится к сочетанию мускульных движений; правильное чередование основных движений называется рабочим ритмом, — этот ритм работы особенно ясен тогда, когда в работе приходится пользоваться инструментами. Звук топора дровосека или молота кузнеца повторяются через определенные промежутки времени; по этому звуку мы узнаем о равномерности и неравномерности промежутков времени между основными мускульными движениями. Звуки, сопровождающие работу, образуют так называемый тонический (тон) ритм. Тонический ритм имеет колоссальное значение в организации работы. Он играет роль регулятора. Под влиянием рабочего ритма сложилась наклонность к ритму в обычной жизни. О неграх, например, замечено следующее: „Что они ни делают, — ходят ли, танцуют ли, поют, играют, или работают, — они все делают в такт, который самые глупые негры, все без различия, соблюдают с большей точностью, чем наши солдаты и музыканты после долгого обучения и упражнения“.

„В факте сопутствия работы звуковым ритмом с его эмоциональным воздействием мы видим, как пишет Д. Овсянико-Куликовский, глубоко-характерный образчик общего, можно сказать, всемирно-исторического явления, которое можно подвести под следующую формулу: звуковой ритм и ритм телодвижений как активные, так еще более пассивные, с их психо-физическими и психическими воздействиями (аффект, эмоция, ассоциировались еще во времена первобытные с различными функциями культуры и всей социальной жизни, и эта ассоциация так упрочилась, что с тех пор человечество во всех сферах своей жизни и деятельности, на всех путях своей цивилизации инстинктивно ищет эмоций ритма, как сопутствующего момента, и обретает в них потребное облегчение, освежение, успокоение, душевное подспорье, часто действительное, нередко мнимое“.

Механизм ритмических переживаний складывается в нервно-сосудодвигательной системе, как непроизвольный результат воздействия физических процессов (активный ритм) или соответствующих представлений (пассивный ритм). Ни объективно-физически, ни субъективно-психологически явления ритма не могут проявиться вне сосудодвигательной системы.

Рабочий ритм послужил исходным пунктом для возникновения музыки, пения, танцев и устных поэтических произведений.

Из непроизвольных криков и восклицаний, сопровождавших труд и заменявших тонический ритм, сложилась песня, сначала простая по своей мелодии, а потом и более сложная. Впоследствии из множества песен некоторые приурочились к более или менее постоянным событиям, другие, наоборот, утеряли свой обрядовый, игровой характер и стали обыденным явлением: таким образом, с течением времени песня отрывается от работы, но такт работы не исчезает.

Специальное дарование музыкантов и поэтов состоит в том, что под действием различных влияний, — впечатления, чувства, воспоминания, созерцания картин природы и т. д., — у них свободно совершается не только ритмическое, но и ритмическо-гармоническое объединение душевных движений, выливающих в ту или другую форму. Иногда это происходит быстро, иногда и постепенно, с трудом.

Как в период устного творчества, так и в новейшее время ритм поэзии всегда отражает ритм жизни во всем ее многообразии и сложности. Ритм работ отдаленных времен был несложен и монотонен, — этой простотой и однородностью отличается поэзия того времени как со стороны своей метрики, так и ритмики. Впоследствии ритм работы, жизни и поэзии усложняется.

Греческая элегия, например, времен Каллипа и Архилоха, соответственно своему содержанию и поэтическому настроению, писалась обычно дистихом, двустопным, состоявшим из эпического гекзаметра и пентаметра.

Гекзаметр привязывает элегию к эпосу, а пентаметр, нарушая величественно-торжественный ход эпического гекзаметра, дает стиху большую живость и подвижность для выражения движения чувств и мыслей автора. Но дистих

по существу, довольно простая форма и не дает возможности выразить всей глубины переживаний.

Греческая лирика в лице Архилоха придала грубому ямбу художественно-поэтическую форму. Простой ямб, как в шутку рассказывают греки, был изобретен старухой-прачкой, которая мыла шерсть в море и закричала на неосторожного прохожего: „Ступай, негодный, прочь, ты воду мне мутить“.

Архилох из простого ямба создает шестистопный ямб (ямбический триметр), легкий, подвижный, увлекательный, весьма удобный для сатиристических стихотворений. Об остроте его сатиры в достаточной степени свидетельствует рассказ о Ликамбе, отце обожанной им девицы, отвергшем его ухаживания. За это Архилох метал в Ликамба своими ямбами и довел его и дочь до того, что оба они повесились. Вот одна из его насмешек:

Отец Ликамб, чтож это ты затеял?
 Кто разум твой так помутил?
 Ты прежде был им силен,
 Теперь же стал посмешищем для всех“.

Архилох вырабатывает также и восьмистопный хорей (трохаический тетраметр), который мягче стремительного ямба и удобен для выражения чувств скорби, участия и размышления.

Иногда бывает трудно уловить и определить размер стиха. Гораций, например, пишет про Пиндара, что „песнь его несет бурным, горным потоком, который, переполнившись от дождя, шумно разливается по берегам“. По словам римского поэта, речь Пиндара „мчится в пределах, чуждых закона“. Наиболее внимательное изучение стихов Пиндара показало, что в его стихах, „чуждых закона“, есть свой закон, придающий им свою красоту и свою стройность. При достатке свободного времени можно было бы подобрать серию греческих стихов, чтобы выяснить на них ритмы в их пафосе и сочетании, параллельно с усложнением общественной жизни.

Буржуазная жизнь современного общества тоже имеет свой ритм, и он владеет современными поэтами. Основной ритм окрашен ритмом индивидуалистических переживаний, страстей, ритмом анархического производства и конкуренции, ритмом современной городской жизни.

Парвус в одной из своих прекрасных книг „Kolonialpolitik“, когда он был революционным социалистом, так охарактеризовал жизнь буржуазных классов: «Настоящая оргия погони за богатством и наслаждением овладела всеми слоями буржуазии. Доморощенная мораль с ее правилами скромности, умеренности, довольства малым, посредственностью, с ее буднями, домашним счастьем, семейными радостями, с ее осторожностью, оглядками, оговорками, ее незаметными переходами, серым тоном в одежде, искусстве, с ее боязнью сильных красочных эффектов отброшена прочь, выкинута в мусор. Смелость, захват, рискованная игра, потасовка, гонка, толкотня, чтобы добиться первого приза, бесовскость, видящая оправдание в успехе, презрение ко всякому стремлению, не имеющему деньги своею целью, ничем неприкрытый кулы мамона и циничный социальный скептицизм, разлагающий в ничто унаследованные устои семьи, религии, общественной жизни и возбуждающий одну не насытную жажду наслаждений, которая гонит свои жертвы в шумные столы от одного удовольствия к другому без усталости и отдыха, потому что индивид потерял всякую идеальную связь со своей социальной средой,—вот дух нового времени. Все живут мгновеньем без прошлого и будущего, весь мир превращается в колоссальную биржу». (Цитирую по ст. А. Луначарского «Атеисты»).

Эта буржуазная жизнь создала свою гармоничную ритм, она выдвинула целый ряд соответствующих композиторов и музыкантов; одновременно она создала свой ритм и свою музыкальность в поэзии. И, естественно, она часто чужда рабочему классу, хотя он, как дитя своего времени, нередко подражает ей и живет ею.

Буржуазная наука, которой чуждо понимание развития современного общества, не в силах точно анализировать и установить гармонию ритма жизни, и он поэтому кажется ей хаотичным.

Поэзия, где большую роль играет „подсознательное“, улавливает сложный ритм не только буржуазной жизни, но и новой, развивающейся, хотя и передает его не всегда точно. Как в многосложном городском шуме, в каком-то хаосе звуков можно уловить мелодию будущего, так можно проследить ее и в белых стихах Уитмена, Верхарна и других. В новой музыке интересно ритмически-гармоническое сочетание душевных движений, например, в поэмах Скрябина, у Стравинского в „Петрушке“.

Пролетариат смотрит на общество, как на „сотрудничество, целое, обнимающее индивиды и группы и раскрывающее в области познания и техники горизонты, совершенно недоступные отдельному индивиду“. „Как относительное единство сознания объединяет работу различных парциальных систем мозга, отдельные мозги в сотрудничестве, совместно строя свой коллективный опыт и культуру, образуют высшую систему“. Так, пролетариат, „открывая единство духа и материи, трудовой и боевой характер истории, жизни и природы“, сознает, „что жизнь есть союз сил, организация, высшее единство их, постоянно растущее“. (Ст. А. Луначарского „Атеисты“). Эта новая жизнь несет свой пролетарский быт.

И этот быт во всем своем величии и многогранности несет свой ритм будущего, еще неразгаданный и неуловленный поэтом, и свою особую музыкальность.

Пролетарский поэт свой ритм и свои образы будет искать в новой создаваемой им жизни: в социалистическом обществе, в гуле социалистической фабрики, в гармонии коллективного творчества. Так как социализм несет развитие личности со всеми ее большими и малыми способностями и переживаниями, то основная гамма ритмов поэзии будет органически связана с массой других производных ритмов, что может дать в целом прекраснейшую симфонию. Ритм современного города и фабрики сложен, но мы должны уловить законы ритма в работе паровых котлов, приводных ремней, в вихре вертящихся колес, в гуле автомобилей, звуках трамваев и т. д. и в соответствующих ритмах личных переживаний.

Современная пролетарская поэзия в своей лирике пользуется образами, символами, ритмом и музыкой прошлого, да и самое содержание ее часто проникнуто буржуазной идеологией, но она должна быть новой со всех сторон.

Поэзия социально-политическая, естественно, проникнута новым содержанием, но ее технические способы заимствованы опять-таки у буржуазных поэтов.

Пролетариат, создавая грядущую культуру, в первую очередь должен создать *свою* поэзию. А для этого он должен изучить и разрешить со своей точки зрения вопросы: о коллективном творчестве, образности и музыкальности стиха.

Валерьян Полянский.

Методы работы „Пролеткульта“.

Пролетарская культура прорастает толщу культуры старой хотя слабыми, но быстро крепнущими побегам. Она сейчас переживает свое младенчество, требующее особых забот, напряженного к себе внимания, бережного и любовного отношения. Число лиц, сознательно и активно работающих над новой культурой, очень незначительно. Их опыт невелик. Их сил недостаточно.

Кроме того, и сами пути создания пролетарской культуры еще не выяснены в полной мере, а ее абрисы вырисовываются лишь в общих чертах. Многое остается переработанным и неясным. Особенности пролетарской куль-

туры и методов ее воплощения в жизнь продолжают вызывать споры и разногласия. Приходится делать опыты, рисковать на разные эксперименты, часто брести ощупью. При этом порой мы черезчур теоретически подходим к своей работе и не умеем отыскать путей для воплощения наших отвлеченных положений в жизнь, порой, наоборот, нас увлекает практика жизни, и мы невольно становимся possibilистами, оппортунистически, ради практических достижений забывающими теорию.

Все эти особенности новой работы естественно заставляют на первых порах заботиться не столько о широком размахе деятельности, сколько о продуманной углубленности ее: Поэтому „Пролеткульты“ вполне естественно остановились на системе „студий“, т.-е. на работе сравнительно узкого масштаба, среди немногочисленных пролетарских групп.

Так создались школы-студии литературного творчества, театральные, музыкальные, изобразительных искусств и т. д. Каждая из них включает в себе два-три десятка человек, работающих под руководством инструкторов „Пролеткульта“.

Эти студии можно лучше всего сравнить (как это часто и делается) с лабораториями, где в особой, частью искусственной, обстановке производятся опыты над поисками новых культурных завоеваний. Только после того, как небольшие группы ученых и учащихся после длительной и мало заметной работы в лабораториях достигнут осязательных результатов, итоги их трудов будут вынесены за пределы лабораторных стен, будут брошены в грохочущие заводы, станут доступны широкой массе, войдут в повседневное употребление.

Начальные, еще робкие, еще ученические шаги наших „Пролеткультов“ делаются в этой лабораторной тиши студий, где собрались немногие, увлеченные новой идеей, где идет работа творческих исканий, где критически нащупывается почва для замыслимого грандиозного здания. Работа „Пролеткультов“ стала работой студийной по преимуществу.

Студии являются, конечно, очень ценным орудием для концентрации творческих усилий пролетарской массы. Их деятельность уже дает нам осязательные результаты. Но в то же самое время нам приходится с известной критикой подойти к чрезмерному увлечению студиями. Надо обратить внимание и на отрицательные стороны студий, которые будут сказываться чем дальше, тем больше.

Характер работ студий требует небольшого числа участников, сосредоточено концентрирующих свою энергию в той или иной специальной, творческой области. Отсюда естественно возникает известная замкнутость студий и их оторванность от широких масс. Студии получают какой-то самодовлеющий характер. Они остаются вне влияния масс, и сами в свою очередь не вызывают почти никакого отклика в окружающей среде.

В самих студиях может идти очень важная и интересная работа, чрезвычайно ценная для дела пролетарской культуры, но, раз эта работа развивается в четырех стенах, вне масс, она в сущности теряет большую часть своего значения.

Техническая лаборатория без завода не имеет смысла (если оставить в стороне задачи отвлеченной науки).

С того момента, как студии замыкаются в себе, хотя бы ради самой плодотворной работы, культурно-творческая работа пролетариата значительно суживается. Ведь только благодаря тесному общению с своим классом пролетарская студия сможет правильно нащупать новые пути культуры. И только влияя на свой класс, только широко делаясь с ним своими завоеваниями или хотя бы опытами, она поможет широкому творчеству в области новой культуры.

Замыкаясь в себе, студии немедленно приобретают тепличный характер. Лаборатория становится оранжереей, где лелеются, может быть, и крупные таланты, но уже порывающие пуповину, связывающую их с родным классом, а потому и неспособные создать новую культуру этого класса. Но разрыв

с рабочим классом всегда означает переход, хотя бы и не сознанный, к другой социальной группе, конечно, к буржуазии.

Та же замкнутость студий и стремление тщательной работой подготовить специалистов, мастеров своего дела, усвоивших все технические завоевания своего творческого ремесла, порождает и другое стремление, наблюдаемое среди студийцев,—увлечение профессионализмом. Рабочие, обнаружившие способности в области изящной литературы, театра, живописи, хотят целиком посвятить себя этому любимому делу и бросить и завод и ту обстановку бытовую, общественную и партийную, среди которой они жили до тех пор. Конечно, в стремлении углубить свои познания и усовершенствовать свои способности лежит вполне здравый инстинкт. Но тяга к профессионализму имеет и серьезные отрицательные стороны, потому что она опять-таки часто ведет к разрыву с классом и переходу в разряд богемствующей интеллигенции мелкобуржуазного пошиба.

Стремясь специализироваться на поэзии или театре, пролетарий попадает из своей среды в тот слой литераторов или артистов, который по существу глубоко враждебен пролетарской культуре и насквозь пропитан традициями прошлого. Ведь пролетариат еще не успел выделить достаточно многочисленную и сплоченную среду своих собственных поэтов, артистов, художников.

Этот опасный профессионализм, порождаемый студиями, особенно нежелателен и вреден именно теперь, в острый период революции, когда всякий пролетарий не только должен быть тесно связан со своим классом, но и нести общественные и военные функции.

Наконец, отрицательный характер студий особенно сказывается благодаря тому, что их самих еще очень мало и влияние их ограничено. Они совершенно тонут в ряде других организаций и еще не имеют своих собственных сил, достаточно многочисленных, которые могли бы явиться сплоченным ядром, мощной средой с своими собственными требованиями и привычками.

Но пока число студий не умножилось и их работа не раскинулась широко, приходится думать о том, как избежать тех отрицательных сторон студийной деятельности, которые отмечены выше.

Прежде всего надо принять меры, чтобы студии было тесно, органически связаны со всей жизнью рабочего класса во всем многообразии ее проявлений. Студии должны быть составной частью рабочих организаций, быть с ними в постоянном контакте, помогать им в их нуждах, отзываться на их запросы. Конкретно это выразится, например, в том, что литературная студия будет редактировать и вести местный журнал или составлять воззвания и листовки для нужд района; художественная—украшать клубы: делать знамена и плакаты, рисовать декарации; театральная—обслуживать районы спектаклями и вечерами; хоровая—давать свои хоры для демонстраций, концертов и т. п.

При таких публичных выступлениях, вполне возможных после 4—5 месяцев студийной работы, студийцы будут чувствовать, что их труд получает живой отклик и критическую оценку, и это естественно углубит связь их со своим классом, ради которого они работают.

Разумеется, все эти выступления перед широкой публикой должны сопровождаться строгой критикой как со стороны инструкторов, так и со стороны зрителей. Без этой придирчивой критики шум успеха, объясняемого чаще всего не достоинством произведенной работы, а специфическими условиями, при которой выступления происходят (благожелательная, малоискушенная аудитория, новизна самой работы студий и т. д.), может оказаться вредным и парализующим необходимое критическое отношение студийцев к самим себе.

Чтобы ежедневной работе студий придать характер более широкий, прежде всего необходимо сделать ее занятием открытыми для всех. Это не значит, что, скажем, безголосые будут записываться в хор и обучаться студийными инструкторами. Нет, это означает лишь, что всем будет открыт

доступ для посещения уроков и занятий в качестве слушателей. Такие вольнослушатели, может быть, зайдут сперва из праздного любопытства или от „нечего делать“, но раз в них заложена искра влечения к какому-либо виду искусства или научной и литературной работе, они постепенно втянутся в студийные занятия и станут активными членами студий. Слушатели—это резервный кадр студийцев, связывающий их с массой, как военные резервы связывают регулярное войско с рядовым населением.

Мы приходим, кроме того, к необходимости создать какие-то студии широкого типа, массового захвата, где активно будет работать не узкий кружок записавшихся студийцев, а гораздо более текучая и многочисленная масса.

Литературная студия пусть устроит как-нибудь чтение новых произведений своих членов в большой аудитории, на особом литературном вечере. Пусть критика этих произведений ведется путем широкой дискуссии при участии всех желающих. Пусть тут же будет предложено прочитать свои произведения всем, кто это захочет.

Театральная студия после своего спектакля или вечера вызовет на критику всех собравшихся и обсуждает свои успехи и неудачи не в тесном кругу, а, так сказать, „на улице“.

Пусть студия изобразительных искусств устроит не только какую-нибудь выставку работ всех пролетариев местного района, но и попробует организовать вольные экскурсии всех желающих в музеи и „на этюды“, какие-нибудь „среды“ для всех, кто не имел времени учиться и хочет хоть два часа в неделю взять в руки краски и уголь.

Пусть поэты и музыканты пролетарские попробуют выступать не только на вечерах, а и на своем заводе, в перерыве во время работ, или на улице и площади.

Пусть семена новой культуры сеются более щедрой рукой даже на ниве, которая может показаться не возделанной и не плодородной. В ней гораздо больше живых соков и плодородности, чем это может казаться.

Но мало и этого. Надо заинтересовать широкую массу работой над новой культурой. Для этого нужна, конечно, широкая устная и письменная пропаганда: организация специальных митингов „Пролеткульта“, выпуск особых листовок и брошюр...

Надо наладить систематическое вовлечение все новых и новых элементов не только в студийную работу, но и вообще в какую бы то ни было работу над пролетарской культурой. Надо дать лозунги, заинтересовать, пробудить творческое соревнование (публичные выступления и т. п.).

Но следует также, не замыкаясь в круг деятельности «Пролеткульта», приняться за поиски, регистрацию и изучение всего нового творчества, которое совершается сейчас пролетарской массой в стихийной работе над созданием новых основ жизни. Пролетарская культура в многообразных ее проявлениях уже приносит свои плоды и имеет свои достижения совершенно независимо от существования и деятельности «Пролеткультов». Колоссальную работу этого рода мы совершенно почти не изучили, почти ее не видим.

«Пролеткульты» более чем кто-либо обязаны следить за этой творческой работой, совершающейся вне их влияния. Нужно описать ее, подытожить, нужно тесно связаться с наиболее выдающимися работниками пролетарской культуры и привлечь их в организации «Пролеткультов». Следует учесть и мобилизовать все силы пролетарских писателей, поэтов, актеров, ученых, художников.

Почему, напр., не организовать всероссийскую выставку живописи и скульптуры художников-пролетариев? Почему не издать онтологию пролетарской поэзии, где отвести место всем, сколько-нибудь вытеснившимся пролетарским поэтам?

И можно найти десятки методов для того, чтобы дать возможность явиться всем пролетариям, работающим в области создания новой культуры, и помочь их объединению.

Конечно, чем дальше пойдет социалистическое строительство России, тем легче будет и работа „Пролеткультов“, тем шире станет размах ее. Просветительные организации другого рода сбросят с плеч „Пролеткультов“ чисто подготовительную, обще-просветительную или узко-техническую работу. Возникнут большие кадры рабочих, прошедших элементарную музыкальную, литературную, научную выучку и способных более тщательно и специально заняться работой над новой культурой.

До тех же пор „Пролеткульты“, оставаясь автономными, должны поддерживать тесную связь с культурно-просветительными организациями другого рода, чтобы и на них распространять свое влияние, чтобы и оттуда черпать новые силы для пролетарского строительства культуры.

Сейчас „Пролеткульты“ уже выработали до некоторой степени основные принципы своей деятельности и сколько-нибудь разработали для себя не только теоретические директивы, но и наметили определенные практические методы работы. Очередной задачей их деятельности явится теперь борьба (с замкнутостью, стремление вовлечь в свою работу широкие массы, желание как можно теснее слиться с ними в своей работе).

В этом тесном общении с пролетариатом «Пролеткульты» только и могут правильно развиваться...

В. Керманцев.

Теория и практика.

«Истина всегда конкретна», сказал Чернышевский. Это значит: истина всегда имеет отношение к практике жизни; более того—к нашей практике.

Нет истины, которая не была бы связана с живыми потребностями и интересами людей труда. Нет истин нейтральных, безразличных для них: люди труда платят и отвечают за все, что думается, сочиняется и творится.

Все «направления» в искусстве, философии и политике проходят через самую сердцевину мира труда, мешая или помогая трудящимся жить по-человечески.

В этом смысле всякая истина всегда и даже слишком конкретна, как воплощение чужого труда, чужой крови и слез.

Индивидуальный, личный талант и личное творчество—это прекраснейшее растение, выросшее на почве, которая обильно удобрена «костяной мукой» миллионов тружеников.

Если вместо плодов получается пустоцвет, то и он кому-то доставляет удовольствие в виде новой, неиспытанной дрожки «утонченных», но расстроенных нервов.

Но далеко не все—пустоцвет. Плоды тоже факт. Абсолютной «пустоцветности» нет. Даже преходящие течения в искусстве—«эфемериды», «однодневки»—отлагаются в психике и сознании.

Великие мастера и творцы, отбросив уродливое и ненужное, как пчелы, выбирают в «новом» все ценное для строительства общечеловеческого, хотя бы и отдаленного.

И будет время, когда потомки людей труда, все без исключения и уже для себя, для своей радости, используют работу всех поколений и все достижения мысли и искусства сделают материалом своей мысли.

В практическом отношении истина всегда конкретна. Рано ли, поздно ли она не минует попасть на свою «практическую руку» (it's practical handle), как говорят англичане, и пойти в практику именно все равно, в какой форме и в каком направлении.

Великая семья человечества сестрой рас за многие тысячи лет делала «книжки».

Истина всегда *социальна*, всегда общественна и по происхождению и по конечным результатам.

Практика родит истину и практика ее „пускает в ход“.

Практика всего человечества.

Для человечества в целом ничто не проходит бесследно: ни худое ни хорошее. Нерон, Атилла, Тамерлан тоже должны быть использованы, как отдельные темные штрихи в общей картине развития человечества; они усиливают ее рельеф и яркость. Кровь—лучшая из красок в этой картине, а слезы—прочнейшая и надежнейшая внутренняя связь всей истории.

Человечество ищет теоретически во всех направлениях и пытается, пробует практически всюду.

Человечество никогда не спит и не отдыхает. Оно заинтересовано во всем, и в теории и в практике, но никогда только в теории или только практике. Оно—великий искатель и строитель. Но пока еще слишком расточительный и нерасчетливый. Да. Но будет другим. Для этого оно работает и страдает.

Практика дает *корни* теории, но и сама руководится тоже теорией. Всякий „практический расчет“, „план“—это уже теория, точнее, теоретическая сторона практической операции. Труд или дело без какой-либо теории—чурбан, катаемый обезьяной без толку и смысла.

С другой стороны, всякая теория вытекает из практики предыдущей и дает основу для практики последующей. Три момента вмешательства теории в практику:

Начальный: „можно сделать иначе“.

Промежуточный: „нужно сделать вот как именно“.

Заключительный: „опыт убеждает, что по-новому дело идет организованнее, практичнее“.

Первый момент—*критика* старой теории на основании нарождающейся практики; второй—*изложение и обоснование* новой теории и третий—*проверка* новой теории на *практике*.

В современной жизни есть масса таких чисто практических задач, где каждая частичная операция связала с очень сложными теоретическими выкладками.

Простой выстрел из 15—16-дюймового орудия на войне—целое событие. Цели не видно, нужно „взять направление“, соответственно поднять прицел, чтобы снаряд пролетел в нужном направлении и как раз нужное расстояние.

Что же касается нынешнего времени, то без теории, без сложных предварительных выкладок даже чаю не напьешься. Кто действует во всем „наудачу“, легко „попадает“, но только туда, куда ему совсем не хотелось „попасть“.

* * *

Практика—экзамен теории. Теоретические «ошибки» поправимы. А вот если на практике применения теории кто-нибудь зря ноги протянул, тогда возникает вопрос, почему так вышло.

Если дело неладит, значит, оно плохо было задумано в теории, либо на практике сделано скверно. Или хороший практик необдуманно и слепо пошел за плохим теоретиком, или хорошая теория попала в руки людей, которые *верят*, что «по-новому лучше», но не умеют сделать «лучше».

«В счет будущих благ» массы людей труда жертвовали до сих пор очень многими конкретными вещами, даже жизнью. Но не все же так и не всегда так. Надо знать «план» и «смету», «расчеты» и «выкладки». Надо же «ощупать» кое-что и грубым руками тех, кто является «жертвой по смете».

И если вся «операция» в целом практически дает не благо, а бедствие, это—смертный приговор теории.

Новый плод должен быть годен как раз на то, на что его предназначали, и поспеть ко времени. Фокусники и шарлатаны скверного «теоретизма», положим, умеют изворачиваться. Они соплются, например, на «злого духа»; который повывергал пшеницу и натывал «чертополоха». А то будут доказывать, что «чертополох» не хуже пшеницы или скоро будет пшеницей.

Из этих „фокусов“ и „изворотов“ в лучшем случае может получиться смешной анекдот на трагической подкладке, но никогда творческая легенда.

Не нужно сидеть сиднем тридцать лет и три года, чтобы „набраться духу“ и начать искать „кольцо“ для погребения „земного шара“. Земной шар и без того вертится легко и аккуратно. Но понять, усвоить систему и путь ее вращения, значит, получить рычаг для взвешивания отдаленнейших еле видимых светил,—получить „аршин“ для измерения колоссальных расстояний в небесном пространстве, где луч света годами бежит „от станции до станции“; получить способ не только взвесить „видимое и невидимое“, но и узнать, из чего оно состоит.

Это, конечно, труднее, чем двигать горами по способу Магомета. Когда нужно будет, любая гора послушно пойдет по нашей указке, как дреднот, спускаемый в воду. Конечно, помимо „указующего перста“, тут придется пустить в ход и соответствующую организованную систему.

Но если гора сама начинает двигаться от стихийных причин, напр., от землетрясения, то при чем тут мы и наш „указующий перст руководителей событиями“.

Они напоминают того южно-американского владыку, который ежедневно утром, в присутствии всех своих верноподданных, торжественно протягивал свою „царственную дубинку“ навстречу восходящему солнцу, а затем медленно указывал путь, каким солнце должно идти. И не было, конечно, случая, чтобы оно ослушалось.

* * *

Верная теория делает практику могучей и непобедимой.

Практика миллионов людей в ряде поколений, когда она правильно истолкована, дает истине львиные когти, орлиные крылья и взгляд. Ее направления? От земли в мировое пространство, от мгновения к вечности, но только для того, чтобы понять всякое дело, дать ему оценку и определение о времени и пространстве, в „вечном“ и „бесконечном“.

Итак, теория есть организованная с точки зрения того или иного коллектива наша повседневная практика. А практика, достойная подражания,—это обдуманное, обдуманное исполнение плана на деле.

Ни одно познавательное стремление не должно упускаться из вида людьми практики. Может быть, завтра это уже „войдет в план“ и будет подлежать исполнению. И обратно, ни одно конкретное, даже неразумное усилие практики не должно оставаться вне учета и контроля теории, иначе завтра за это упущение придется при повторных неудачах жертвовать творческими силами общества.

Силы человечества надо жалеть и экономить. Их у него не так еще много, и человечество пока еще слабый, наивный и беспомощный ребенок. Ему надо еще много поработать и пострадать, пока оно не познает и не определит себя.

Практическая теория и теоретическая практика должны научить этого великого младенца, рождающегося при судорожном сотрясении многовековых устоев земли, как ему быть и что ему делать...

Когда-то Иисус сказал: „Будьте как дети“. В этой кажущейся наивности реальной творческой силы не меньше, чем во всем механизме вселенной. Дети по наивности пытаются схватить руками луну и звезды. Пытаются, считая, что это возможно. Однако не отсюда ли родилась астрономия, самая точная из отраслей знания, и не она ли определяет наше положение в „необъятном“?

На наших глазах „окровавленный новорожденный“ начинает тянуться израненными руками к солнцу новой жизни. Услужливые мудрецы в ужасе кричат:

— Не тронь... Обожжешься...

Ничего. Если не обожжешься, так и не узнает сам, что повал жизнь действительно возможна в нашем мире. Ребенок почти все узнает так: обожжется, ушибется, поплачет и... поймет. А когда поймет, то в другой раз уже иначе подойдет к той же самой задаче: первичный опыт служит всегда преддверием к привычному делу.

* * *

Новое дело не делается сразу. Даже когда мы учимся у других привычному для них делу, где уже все учтено и проверено, и то не уберечься от ошибок, благодаря „непрактичности“. Что же говорить, когда дело ново для всех, и для „учителей“ и для „учеников“, когда все ищут и пробуют путь, способы и средства осуществления, когда никто еще практически не знает, как лучше сделать?..

Задача собирания человечества в один коллектив, к центру единой мысли и единого дела, уже поставлена мировой необходимостью на очередь, — теоретически и практически.

Многие „горячие сердцем“ искренно верят, что она будет разрешена не когда-нибудь, а чуть не „сию минуту“. Другие зловеще пророчат неудачу.

Решение жизни, как всегда, будет по равнодействующей; она не оправдывает полностью ни надежд, ни страхов. Но без веры в успех нельзя ничего ни начинать ни делать. Точные предсказания для нас невозможны. Факты то и дело спутывают все „расчеты“ и „выкладки“ и создают в развитии событий то, что вчера еще и не приходило в голову.

Научное предвидение общественных событий и их последствий с точностью астрономических вычислений — дело не близкого будущего, а бороться, работать, строить, разрушать, сеять и искоренять нам необходимо сейчас, безотлагательно. Отсюда рождается „теория вероятностей“, успеха и неудач в каждом деле. Укрепляется вера в счастливый случай.

Ошибки в сметах на общественные события бываюи нередко столь значительны в силу „непредвиденных причин“, что от самой „сметы“ не остается ничего. Вспомните наше „Учредительное Собрание“, которое износилось до жалких лохмотьев по дороге от портного к заказчику. А что осталось от немецкой „сметы“ на победу и мировое господство?.. А что останется от колоссальной „сметы“ „реальных завоеваний“ союзных империалистов?..

Однако „теория“ далеко не так уже слепа и беспомощна, как это может казаться „счастливым ирокам“ и „удачливым практикам“. Если бы, руководясь ее указаниями, мы повнимательнее приглядывались к жизни, мы многое уже могли бы предвидеть и предотвратить.

Однако, пока человечество не выработало общечеловеческой теории действия на основе общечеловеческой же деловой практики, наша наука может *понимать* события, но не в силах еще ими *руководить*, может *предвидеть*, но не в состоянии *предотвращать*.

Не беда, если это и так. В больших мировых начинаниях и ошибки должны быть грандиозны, затрагивая все человечество „за живое“, никому не позволяя безнаказанно быть только „зрителем интересных событий“. Каждому приходится хлебнуть этого „интереса“ до слез, если не до крови. Теперь нет хат с краю.

И вот, когда человечество основательно насаждает себе синяков и обобьет себе колена, споткнувшись о „теорию и практику“ текущего дня, оно нутром почувствует необходимость перестроить на новых началах все знание и всю практику. Это нужно всем. И это будет сделано.

* * *

Создать коллективное единство человечества — вот та практическая задача, какую должна конкретно обосновать наша теория, трудовая, пролетарская наука о строительстве жизни.

Здесь большой простор и хороший предлог для междоусобицы теории с практикой. Нечего и нелепо спорить о форме купола, когда нужно просто рыть яму для фундамента. Это верно. Но и обратное положение тоже верно: когда с головой уходишь в яму, не забывай, что когда-нибудь над нею вознесется же на радость миру купол здания и на нем — наше победное знамя, как символ оконченных страданий, как знамя освобожденного и объединенного труда.

Мы этого не увидим? Да. Но если мы из-за этого бросим нашу работу, то и вообще этого долго не увидят.

Начинающий великое дело, в виде общего правила, лишен радости увидеть плоды своих усилий. Но кому-то нужно начать. Для нас остается всегда в силе мудрый вопрос Талмуда: „Если не мы, то кто же? И если не теперь, то когда же?“ Собор св. Петра в Риме строился чуть ли не свыше трехсот лет. Только пятнадцатое поколение строителей подняло над ним крест и могло полюбоваться зрелищем целого. А все-таки подняло. И было чем любоваться, было чем гордиться за всех живых и мертвых.

Мудры и сильны те, кто начал рыть яму и пошел вниз во имя будущей высокой цели, — и те, кто, рискуя жизнью, освобождал купол от лесов, счастливые герои. Никто из них *отдельно* не построил собора, но все были посильными участниками в великом деле. А другие десятки миллионов в то же время толка „жили-были“ и исчезли бесследно, как высохшая трава.

Дворец общечеловеческой живой истины, объединяющей живой опыт единой семьи творцов и строителей, построить будет куда труднее. Потребуются неизмеримо больше жертв и усилий. Не мало погибнет народа в преждевременных распрах „о форме купола“, толкая друг друга в начатую яму для фундамента. Телами миллионов заполнится эта яма. Кровь и слезы спаяют всю постройку вместо цемента...

Но зато какое величие! Какая красота! Все соборы и дворцы прошлого покажутся тогда не нужной и не интересной грушкой, сохранившейся от „добротного старого времени“.

Впрочем, не слишком „добротного“. Рим хотел быть вселенским духовным владыкой во имя заоблачного блаженства всех трудящихся и обремененных. Теория небесной свободы сочеталась у него с грубой практикой земной власти, основанной на страхе и насилии.

— „Ты еси Петр—камень, на сем камени созижду церковь мою“...

Собор Петра действительно оказался тяжелым камнем, который придавливал к земле свободную человеческую мысль и творчество.

Но живая истина, пробившись к небу, уже начинает звать строителей на постройку своего дворца. Омертвелая истина займется погребальной практикой.

А мы будем строить коллектив человечества.

Человечество уже родилось и начинает жить, как целое. Эта истина вполне конкретна. Теория коллективного единства становится практическим делом. Да здравствует же строительство жизни на мировых началах. Да здравствуют обездоленные труженики, выносившие в своем сердце живую истину на основе живого, творческого опыта!

Т. Седелников.

План организации Пролеткульта.

Пролеткульт есть культурно-творческая классовая организация пролетариата, как рабочая партия—его политическая организация, профессиональные союзы—организация экономическая.

☉ Подобно тому, как партия включает в свой состав, особенно на первых шагах своего развития, лишь политический авангард рабочего класса, его элементы наиболее сознательные политически, так и Пролеткульт должен непосредственно включать лишь культурный авангард пролетариата, индустриальный, и притом его элементы наиболее передовые и сознательные в культурном отношении: причины аналогичные, но здесь они действуют еще сильнее. Если бы выработка политических задач и лозунгов прямо зависела от мало сознательного большинства пролетариата, то политическая линия партии определялась бы уровнем этого большинства, а не была бы наиболее

чистым и последовательным выражением классовых интересов и тенденций, партия не была бы истинной руководительницей класса в его борьбе. Если бы культурно-революционная линия Пролеткульта зависела от уровня мало сознательных широких масс, Пролеткульт не мог бы выделить среди культурно-творческого классового процесса и организовать в стройное целое чистые формы и тенденции новой культуры, не мог бы дать массам истинного руководства в этом смысле. Отсюда неизбежность некоторых организационных ограничений.

Другие ограничения вытекают из того факта, что в культурном творчестве роль сочувствующих непролетарских элементов более чем где-либо должна быть технически-подсобной. Ибо его классовый дух и характер могут быть основаны лишь на глубоком проникновении условиями классовой жизни и быта, каковые мало доступны для приходящих извне.

В своем внутреннем строении организация Пролеткульта должна быть последовательным воплощением основного культурно-классового пролетарского принципа, — коллективизма, т. е. товарищеского сотрудничества, и должна быть по мере возможности согласована со строением параллельных организаций как политических, так и особенно профессиональных.

I. Фабрично-заводской Пролеткульт.

1. Основной практической ячейкой Пролеткульта является культурно-просветительная комиссия фабрично-заводского предприятия, стоящая на платформе Первой Всероссийской Конференции Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций.

2. Все активные работники из рабочих фабрично-заводского предприятия, группирующиеся вокруг культурно-просветительной комиссии, составляют фабрично-заводской Пролеткульт.

3. Культурно-просветительная комиссия должна быть выборной, если же нет возможности выбрать ее, то она может быть выделена фабрично-заводским комитетом.

4. В обязанности культурно-просветительной комиссии входит организация всей работы в предприятии и сношение с районными Пролеткультами.

5. Собирается культурно-просветительная комиссия не менее 1-раза в неделю. Каждые две недели устраивается собрание с активными сотрудниками, и один раз в месяц созывается собрание фабрично-заводского Пролеткульта.

6. Средства культурно-просветительной комиссии составляютсся из отчислений фабрично-заводского комитета, членских взносов и сметных ассигнований от районного Пролеткульта.

7. Каждое полугодие фабрично-заводской Пролеткульт представляет в районный Пролеткульт детально разработанную и мотивированную смету (прихода и расхода) вместе с отчетом о своей идейно-организационной и финансовой деятельности.

II. Районный Пролеткульт.

1. Фабрично-заводские Пролеткульты в крупных промышленных центрах путем Конференции создают районный Пролеткульт.

2. Во главе районного Пролеткульта стоит районный Совет Пролеткульта. Он состоит из 7 членов, выбранных на районной Конференции, по 1 представителю от фабрично-заводских пролеткультов, районного Комитета Р. К. партии, районного Совета, от районных объединений и центров (где таковые имеются), Профессиональных союзов, Рабочей кооперации, Красной армии и флота и революционно-социалистической молодежи.

3. 7 членов, выбранных Конференцией, составляют президиум Совета, как постоянно действующий орган.

4. Президиум Совета собирается не менее 1-го раза в неделю. Совет—1-го раза в месяц, районная Конференция—1-го раза в полугодие.

5. На обязанности Совета и его исполнительных органов лежат: организация фабрично-заводских Пролеткультов, регистрация их с точным указанием числа членов, бюджета, размера, характера и постановки работы, согласно решениям Первой Всероссийской Конференции Пролеткульта, составление детально разработанной и мотивированной сметы (прихода и расхода) для всего района и отчета о работе, которые один раз в полугодие представляются в городской Пролеткульт.

6. Фабрично-Заводские Пролеткульты, разбросанные по уезду, путем Конференции создают свой районный Пролеткульт в ближайшем промышленном центре, применяясь к центрам профессионального движения.

7. План организации, права и обязанности районных Пролеткультов в уезде те же, что и районных Пролеткультов в промышленных центрах.

8. Районные Пролеткульты открывают у себя отделы в следующем порядке: инструкторско-агитационный, клубный, литературный, музыкально-вокальный, театральный, изобразительных искусств, хозяйственный (обязательно), физического развития и профессионального знания.

III. Городской и губернский Пролеткульт.

1) Районные Пролеткульты в промышленных центрах путем Конференции создают городской Пролеткульт.

2. Во главе городского Пролеткульта стоит городской Совет Пролеткульта. Он состоит из 9 членов, выбранных на городской Конференции по 1 представителю от районных Пролеткультов, от городского Комитета Р. К. Партии, городского Совета, от городских объединений и центров (где таковые имеются), Профессиональных союзов, Рабочей кооперации, Красной армии и флота и Революционно-социалистической молодежи.

3. 9 членов, выбранные Конференцией, составляют президиум Совета, как постоянно действующий орган.

4. Президиум Совета собирается не менее 1 раза в неделю, Совет—1 раза в месяц, после собрания районных советов, городская Конференция—1 раза в полугодие, после районных Конференций.

5. На обязанности Совета и его исполнительных органов лежат организация районных Пролеткультов, регистрация их с точным указанием числа объединенных в них фабрично-заводских Пролеткультов и числа членов в них, бюджета, размера, характера и постановки работы согласно решениям Первой Всероссийской Конференции Пролеткульта, составление детально разработанной и мотивированной сметы (прихода и расхода) для всего города и отчета о работе, которые один раз в полугодие представляются в губернский Пролеткульт, а где такового нет, в Центральный Комитет Всероссийского Совета Пролеткульта. Совет назначает время Конференции районных Пролеткультов.

6. Районные Пролеткульты, разбросанные по губернии, путем Конференции создают губернский Пролеткульт.

7. План организации, права и обязанности губернских пролеткультов те же, что и городских Пролеткультов в промышленных центрах.

8. Городекие в крупных промышленных центрах и губернские Пролеткульты открывают у себя отделы в следующем порядке: инструкторско-агитационный, клубный, литературно-издательский, музыкально-вокальный, театральный, изобразительных искусств, научный и финансовый (обязательно), физического развития и профессионального знания.

IV. Общие замечания.

1. Всероссийская Конференция Пролеткульта на основах, утвержденных Всероссийским Советом Пролеткульта, составляется из делегатов районных, городских и губернских Пролеткультов.

2. Всероссийский Совет Пролеткульта существует на основе устава, принятого Первой Всероссийской Конференцией Пролеткульта.

3. Проводя определенный организационно-идейный план работы, утвержденный Всероссийским Советом Пролеткульта, местные Пролеткульты пользуются полной свободой в методах осуществления поставленных задач.

4. Все организации должны стремиться жить на свой собственный счет, в особенности, если имеются предприятия.

5. Организации Пролеткульта должны согласоваться территориально с объединениями профессиональных союзов.

6. В целях контакта с Отделами внешкольного образования Пролеткульт посылает в Отдел на местах своих представителей.

План принят на Съезде Всероссийского Совета Пролеткульта 24 января 1919 года.

Предместья.

Грязные улицы дымных предместий
Сжали город со всех сторон.
Новой жизни в них слышны вести,
Там бьется сердце новых времен.

Там, где дымятся черные трубы,
Ярко сверкают заводов огни,
Там создаются новые мысли,
Новые песни, лучшие дни.

Нашею волей, нашим трудом
Создано все, что мы видим кругом,
Долго ль нам верить, долго ль нам ждать,
Долго ль безмолвно, бессильно страдать?

Нет! Мы не можем, не будем молчать!
Смелым порывом, волей упорной
В жизнь претворим мы далекие сны.
Смело вставайте, предместий сыны!

Черные трубы гордых заводов
Сжали город со всех сторон.
В этих предместьях—судьбы народов,
Воля и счастье дальних племен.

Мод. Рубинштейн.

1915 год.

От редакции. Стихотворение это, скромное по техническому выполнению, заслуживает внимания со стороны содержания, особенно если принять в расчет время его написания, далекий от наших дней 1915 год.

Уроника „Пролеткульта“.

В провинции.

На этот раз мы отступим от обычного порядка наших обзоров. Если относиться только формально, то может показаться, что строительство пролетарской культуры у нас, в России, идет самым быстрым шагом. Ведь только и читаешь известия о появлении все новых и новых Пролеткультов. Но, к сожалению, этими сообщениями о возникновении дело только и ограничивается. Вот почему приводимые ниже несколько примеров неправильного подхода к делу мы считаем очень поучительными.

На съезде профессиональных союзов мы слышали часто указание на интеллигентский характер Пролеткультов. Какалось бы, что это в корне противоречит самой идее классовой пролетарской работы, а между тем на местах на моды интеллигентны начинают устремлять Пролеткульта из интеллигентов же. Вот, например, один из первых отмеченных нами Пролеткультов—Оршанский. Оказывается, что местная коммунистическая организация была вынуждена его уничтожить. Почему? Да потому, что он был чисто интеллигентской организацией. „В нем не было самого главного, что могло заставить его жить,—участия рабочих масс. В нем не было общей руководящей идеи, идеи рабочего класса“. При такой самозванщине станет понятным явление, с которым знакомит нас Орел, где организовалось два Пролеткульта: один—интеллигентский, при Совете народного хозяйства и другой—рабочий, по инициативе профессиональных союзов. Это уже предел, дальше которого идти некуда. Так же и в Иркине создается Пролеткульт из представителей общественных и правительственных организаций и обсуждает вопрос о допущении представителя от народного суда и решает его положительно. Далеки все эти начинания (интеллигентного пролетариата в Ельце) от подлинного пролетариата, а еще тем паче от индустриального.

Этим нелепым явлением мы и объясняем резкость и прямолинейность, проявляемую некоторыми при выяснении нашей сути и наших задач. Нам вспоминается одна наша беседа с художниками-инструкторами, которые никак не могли понять, почему их искусство еще не пролетарское, не искусство новых дней. Они по простоте полагали, что им-то и суждено сделать за пролетариат его искусство. Эгою остротой столкновений даже в организационных вопросах и станет понятен спор в Орле о том, как строить нашу культуру,—сверху ли интеллигенции, или же снизу без малейшей примеси истребленной культуры*.

Здесь-то и нужно ясное понимание стоящих перед нами задач. Ну, а интеллигентные известны всегда путаники, да еще в таком тупом им в вопросе. Вот почему мы всегда стараемся различать инстинктивные стремления рабочих к „нужной нам милой идеологии, к новому нашему слову, новому

стиху“, от того, как объясняют на страницах газет писатели эту тьму.

Вот в „Изв. Ж. Д. Совета Пермского уезда“ читаем статью о писателях-друзьях пролетариата (в их числе Григоревич, Якубович—П. Я.) и разное... Пушкина. „Ни русский рабочий, ни русский мужик Пушкину большой цены не дадут“. Он, видите ли, только сочувствовал мужику. „А между тем *нашар* находит в этом труде много поэзии, эстетического удовлетворения, которые делают для него его труд интересным, захватывающим и веселым“. Нам вспоминается рабочий Дейч в письме Андреева „К звездам“, который с глубоким пониманием относится к друзьям астронома, из которых один жил много сот лет тому назад, а другой еще и не родился, что вызывает только насмешки со стороны интеллигенции. Или вот в „Изв. Орловского С. Р. Д.“ с эниграфом из Канта так понимаются культурно-просветительные нужды рабочих: „1. Рабочим важно получить побольше знаний и поменьше зрелищ. 2. На первых порах побольше полезных знаний и поменьше пичкать голову науками и искусствами, которые преследуют цели эстетические“.

Противопоставим этим другие строки. Вот из Дубовки пишут: „Наша жизнь, жизнь рабочего класса, должна украсить наукой, искусством, должна стать привлекательной и интересной“. Или из Чистополя: „Рабочие, свергнув ненормальность общечеловеческого бытия,—игу капитала, стремятся к самосовершенству. Кто-нибудь, быть может, стал бы возражать против этого, но возражения против стремления самосовершенства рабочих масс есть неумные слова против такого могучего факта, как существование рабочего класса“. Встречаем мы тут и нескладные стихи в роде следующих:

„И так, к великой жизненной мечте,
К высокой идее самобразования“.

Но, несмотря на всю их нескладность, в них гораздо больше значения, чем во всех повержениях Пушкина или в декретировании нужд рабочих.

Но отсюда-то как раз и вытекают все признаки покояничья разом со всем буржуазным наследством в роде „Оренбургских Известий“. Пролетариат и вырачивает научные истины и потребляет их. Надо отвырнуть все старое, буржуазное*. Отсюда автор высказывается против интеллигентских рецептов, против всех этих студий и т. д. У некоторых товарищей еще не заглохли отзвук горечи от предательства интеллигенции во время недолгого господства белых. Товарищ из Казани на съезде профессиональных союзов горько сетовал на намену интеллигенции, предостерегал от комиссариата, где засели чужие люди. „Все надо свалить в мусорную кучу. Надо сделать так, чтобы не только слушать Шалипина, а чтобы воззвали свои Шалипины и Горькие“.

Нужно развить самостоятельность, а между тем с мест все жалуются на пассивность

масс, на непосещение и неисполнение взятых обязательств. Но в чем причина этого? Выше мы видели, что в массах, наоборот, замечается сильнейшее стремление к знанию-силе. Очевидно, весь вопрос заключается в подходе и в том, что преподносит под видом пролетарского искусства и науки. Монополии всяких футуристов, крепко обладавших казенным пирогом, очевидно, приходят копей, когда начинают все сильнее и сильнее раздаваться протесты против изображения рабочих с кубическими головами. Поэтому нельзя с большим удовлетворением привести следующие определения футуризма в „Нижегородской коммуны“: „Футуризм—хаос и разрушение“. И противопоставляется подлинное искусство будущего: „Гармонически развитое тело трудового человека, полное гармонических мускулов, прекраснее Париса, этого увековеченного паразита, или Ахиллеса, вся мощь которого направлена на неправое дело—убийство себе подобных. Тело трудового человека,—вот идеал грядущей скульптуры. Все же, что идет от упадка, от отжившего старого, все болотное и извращенное, все эти декадансы, кубизмы, лучизмы и футуризмы не имеют никакой цены для искусства грядущего. Футуризм погибнет вместе с отжившим буржуазным миром“.

Теперь по всей России растекается волна строительства пролетарских университетов. Но если в Москве потребовалось для сего создания чуть ли не годичная напряженная работа, то в провинции обычно новым именем начинают автять старые народные университеты. В Сорбове жалуются, что открытия отделения государственного университета прошло совершенно незамеченным рабочими. Это явление кажется нам странным, так как мы знаем отзывчивость сорбовских рабочих на все начинания, знаем, как легко всегда там создавалась даже в царские времена аудитория. И даже больше того, в Аткарске при открытии нового храма науки собравшаяся молодежь по обыкновению шла целыми сечками, а организаторы робко приглашали, чтобы записывалась рабочая публика. Вот здесь-то и заключается гвоздь вопроса. Рабочий, приходя в аудиторию и находя ее занятой все той же интеллигентней, естественно с грустью убеждается, что и его пролетарские университеты находятся в чужих руках. И вот наблюдатель рисует делаящуюся обычной картину: „Все чистая публика, и куда ни смотришь, нет пятнивых глаз рабочего“. При чем тут же отмечается неправильный подход—чисто академический, да и сами лекторы ведут дело, как школьные преподаватели (Лавны). Так же поставлено дело и в Орле. Но там лекторы хотя стараются читать как можно популярнее, и ясна цель: „Приготовить сознательных работников из рабочих, не отрывая их от производственного труда“. Неумение подходить к делу по-пролетарски отталкивает рабочих. А они рвутся в свои аудитории; так, в Царицыне записалось за два дня свыше 400 рабочих, а им преподносят такие интересные предметы, как „История русского языка и русского синтаксиса“ (Витка). При таких условиях ре-

зультат легко предсказать. А между тем рабочие идут и на отчисления; так, в Орле все заводы работали один воскресный день с отчислением всего заработка на нужды пролетарского университета, а в Твери на создание пролетарского дворца даже двухдневное отчисление было проведено и дало 1.600.000 р. „И здесь-то, как пишут из Велижа, пролетариат на место старой буржуазной науки создает новую, пролетарскую науку движения, революции, науку фабрик и заводов. Здесь должно научить подходить к явлениям и ставить прогнозы и диагнозы“. Профессиональные союзы, создавшие в Кузнецке Саратов. губ. рабочий университет, считают, что теперь уже есть условия для создания пролетарской культуры, пролетарского искусства. Рабочий университет является могучим фактором для создания условий пролетарской культуры. Задача ведь не только в заполнении пробелов, но и в том, чтобы стать творцом.

Естественной лабораторией таких творческих попыток все же является пролетарский клуб. И в провинциальной прессе мы больше всего находим статей и сообщений про работу клубов. Чистопольцы считают, что „клуб, это—академия рабочих, где будут держать экзамен на звание человека, а значит, и социалиста. Некоторые чужаются своего клуба. Идите все в рабочий клуб, и общими усилиями мы свалим последний камень с нашего пути: темноту, невежество, тупость, спячку, и с энергией и с пением Интернационала мы вступим в желанное святое святых всего измученного человечества—в царство социализма—через рабочие клубы, через библиотеки, через лекции. Торопитесь стать человеками“. В том же Чистополе служащий протестует против того, что принимают только рабочих, а возмут де работать вместе. Наплыв массы членов в Коврове привел к тому, что клуб открыт для коммунистов и сочувствующих, ибо членов свыше 800 человек. В Галиче расширяют трудовое начало и вводят дежурство членов в раздевательной и в буфете. При активной работе получается та картина, которая рисуется в Рыбинске: „Все оживлено, хотя порою и беспорочно и спутано, но зато искренно, свежо и право, тут все—порыв, устремление, огонь“. Но и этим порывам иногда ставят помехи: вот история в Балахнове,—клуб был занят авто-частью. И только заявление члена Исполкома т. Сычева, явившегося в революционный комитет вместе с рабочими: „Если помещение не будет очищено, то мы сейчас же стравимся на фронт и расскажем рабочим обо всем“, за-

ставило очистить культурное помещение. Мертвый хватает часто живого, и в Вятском клубе торгово-промышленных служащих, очевидно, как реакция, лекции о русском синтаксисе процветают в зале с портретами Маркса, Ленина, а в других—кастеи и лото.

Пролеткульты стоятся различно. Особенно ценным мы считаем, когда эта организация родится после конференции, когда все стороны освещаются вопросы,—так возникли Пролеткульты в Твери, Кинешме, Иванове,—а не путем инициативы группы лиц, что

приводит к краху ложных пролеткультов, что мы видели на примере Орши.

На очереди для теперь стоит вопрос о более близком участии в пролеткультовском строительстве профессиональных союзов. На то только что закрывшемся съезде удалось преодолеть сопротивление старых предрасудков и провести резолюцию о том, что центром третьей формы рабочего движения является Пролеткульт, куда и должны влить массы производственные союзы. Сейчас идут съезды по провинции, но о них — в следующем номере когда мы по окончании их и сообщим, что там слышали.

Еще и еще раз просим товарищей с мест присылать нам все материалы их работы и сообщать о буднях и праздниках своей работы.

Ст. Крицков.

Пролетарские культурно-просветительные организации в провинции.

Пролеткульты.

В ноябре, по данным периодической печати, Тверской Пролеткульт (Совет пролетарских культурно-просветительных организаций) в первую очередь поставил вопросы об общеобразовательных курсах, о рабочих клубах, о пролетарском юношестве и о пролетарском театре. Тверской Пролеткульт возник после поездки тверских делегатов на Всероссийскую конференцию и в настоящее время широко развивает свою деятельность.

21 ноября Пролеткульт устроил собрание „всех работавших, работающих и желающих работать в культурно-просветительной области“. Собрание было устроено „в целях учета работников и для целесообразного распределения сил“. Оно привлекло много участников. Пролеткульт находит, что ему „придется начать свое дело с азбуки, что в первую очередь он должен выдвинуть вопросы общеобразовательные“.

Тут мы должны предостеречь тверских товарищей, чтоб в своей общеобразовательной работе они не превратились во внешний отдел.

На одном из заседаний тверского Пролеткульта обсуждался вопрос и о создании Дворца труда, при чем постановлено немедленно приступить к подготовительным работам, объявить конкурсы на проект Дворца труда и с весны приступить к самой постройке.

В последнее время в провинции Пролеткультами был созван ряд конференций. Такие конференции были созваны в Калуге, в Клину, в Орше, в Клинше. В Орше, между прочим, местный Пролеткульт реорганизован комитетом Российской коммунистической партии на основах самостоятельности трудящихся масс в культурном строительстве. „Только при таких условиях, — говорит реорганизаторы Пролеткульта, — Пролеткульт станет действительно обществом пролетарской культуры и строго классовым“.

Новые Пролеткульта возникли в Иваново-Вознесенске, где инициативу в деле учреждения приняла на себя Р. К. партия, в Ельце, в Самаре, где организаторы поставили очень широкую программу для пролетарской

культуры, в Перми, в Торжке, в Пензе, в Тихвине.

В декабре начал свою деятельность Орловский Пролеткульт.

Организованы, между прочим, секция искусства речи и секция журналистики. Организуется Пролетарская консерватория, на которую центром отпущено 450,000 руб. Издаются литературно-художественный сборник „Красное Утро“. Библиотека Пролеткульта заключает в себе десятки тысяч томов и располагает чрезвычайно ценными и редкими экземплярами. Тверской Пролеткульт в декабре открыл курсы живописи, черчения и ваяния. Между Пролеткультом и отделом образования городского Совета возник конфликт по поводу цензуры пьес, направляющей культурную работу рабочих организаций. Бизнесное решение, что никакой институт в пролетарском государстве не может и не должен цензурировать деятельность рабочих организаций. Контролировать эту деятельность могут лишь советы этих организаций. Орловский Пролеткульт на заседании 18 декабря решил взять в свои руки дело создания Народного университета. Тульский Пролеткульт взял в свое ведение все театры и кинематографы в Туле и губернии. Секция музеев Пролеткульта собирает материалы для музея революции. В Южном Смоленской губ. организовано общество пролетарской культуры, куда вошли представители от всех советских организаций. Руководящая роль взята партийными коммунистами. Решено открыть Пролетарский университет. Организуется Пролеткульт в Осташкове Тверской губ. На первом заседании учредительного решено созвать общегородскую конференцию профессиональных союзов и заводских комитетов. Чембарский Исполком ассигновал средства для организации Пролеткульта в Чембаре Пензенской губ. Пролеткультом в Клину открыты занятия в театральной, художественной и хоровой студиях. В театральной студии поставлено несколько спектаклей. К сожалению, и репертуар, предназначенный для пролетарского театра, Пролеткульт отнесся несколько своеобразно: ставят, например, пьесу „Душечку святую“. Губернским Пролеткультом в Тамбове открыта бесплатная пролетарская музыкально-хоровая школа.

Некоторые Пролеткульта организовали свои периодические журналы. Так, в Тамбове вышло два номера журнала „Грядущая Культура“, в Кологрове выходит журнал „Жизнь Искусства“, издаваемый Двояком Пролетарской культуры; в Саратове — „Художественные Известия“; в Твери — „Тверской Военный Пролетарской Культуры“; в Самаре — „Зерно Заводов“.

Пролетарские университеты.

В ноябре начался ряд лекций в пролетарских университетах. Аудитория Вологодского университета, по сообщению местных „Известий“, разнообразная: рабочие, служащие и студенты, учащиеся. В виду того, что занятия в университете требуют известной подготовки, состав слушателей преимущественно интеллигентный. В Вологде выражают надежду, что университет явится лабораторией научной и практической мысли

рассадником социалистических идей. Читаются лекции для рабочих и красноармейцев по вопросам текущего момента, истории социализма и научного мировоззрения. В Туле разрабатывается проект пролетарского университета с общественно-социальным и естественно-математическим отделениями. К делу организации привлечены местные культурно-просветительные учреждения и рабочие оружейного завода. В Смоленске организован пролетарский университет имени Октябрьской революции. В организации университета принимают участие Р. К. партия, профессиональные союзы и местные Советы Р. Д. В пролетарском университете имени Ленина в Орле интерес к лекциям огромный; аудитории, по сообщению орловских „Известий“, полны слушателей. Лекции проходят очень живо, слушатели работают серьезно и жадно. Рабочие относятся к своему университету с большим сочувствием. Рабочие фабрики механической обуви внесли на нужды университета 1.823 р., рабочие завода Статлера 694 р., рабочие городского водопровода 657 р., рабочие свечного завода вторично 30.000 р. и т. д. В пролетарском университете в Ливнах читаются лекции по политической экономии и по истории русской литературы. Состоялось собрание членов всех профессиональных союзов по вопросу о необходимости вступления слушателями в университет всех трудящихся. В Твери, по мысли местного Пролеткульта, пролетарский университет должен быть рассадником пролетарской культуры. На общеобразовательные курсы подано около 500 заявлений. Наибольшие затруднения встретились в подыскании лекторов. В Пензенской губернии начались лекции в двух уездных университетах: в гор. Керенске и в гор. Нижнем-Ломове. В Пензе предполагается открыть „Пензенскую Пролетарскую Академию“. Университет в Сормове открыт сормовскими рабочими. 25 ноября открылся пролетарский университет в Витебске, а в конце ноября состоялось открытие курсов социальных наук в Сызрани в помещении Рабоче-Крестьянского дома. К открытию пролетарских университетов присоединено в Велиже, в Иваново-Вознесенске, где уже открылись курсы для рабочих по фабричному хозяйству. В Кузнецке Саратовской губ., в рабочем университете читаются лекции по литературе; начались лекции также в пролетарском университете в Вятке; число слушателей достигает 400 человек. Рабочий университет открыт в Балахове. В пролетарском университете в Царицыне группа слушателей состоит, главным образом, из рабочих. „Никогда во всем мире, — пишет местная газета, — не слушали ни одного профессора с таким вниманием, с каким выслушиваются лекции в пролетарском университете“. За два дня записалось, между прочим, в университет свыше 400 рабочих и служащих.

В Московском Пролетарском университете план занятий намечается в следующем виде:

1) Учебный план первого курса (подготовительного).

В учебном плане указаны лишь часы лекций; практические занятия ведутся или в

дни, когда лекции не читаются, или в особые часы (от 8 ч. 15 м. до 8 ч. 55 м. вечера).

название предметов.	Число часов в неделю.		
	в I	II	III
триместре.			
Организация устного изложения и обсуждения	2	1	—
Методы письменного изложения.	1	1	1
Способы использования литературных источников	—	1	—
Математика	2	1	1
Физика	2	2	—
Введение в химию	—	2	—
Астрономия	—	—	2
Геология в связи с геоморфологией	—	—	2
Введение в биологию	1	1	2
Физиология	—	1	1
Физиологическая психология	—	—	2
Введение в политическую экономию	2	1	—
Введение в русскую историю в связи с всеобщей	3	1	—
Введение в изучение научного социализма	—	1	1
История рабочего движения и форма рабочих организаций	2	1	1
Формы общественности	—	1	2
	15	15	15

Дополнительные курсы.

История литературы	1	1	1
История искусства	—	1	1
Страноведение	1	1	1
Русский язык (для русских)	1	1	1
Русский язык (для иностранцев)	2	1	1
Повторительный курс арифметики	2	1	1
Статистика	1	1	1
Черчение	1	1	1
Рисование	1	1	1
Немецкий язык	2	2	2
Английский язык	2	2	2
Французский язык	2	2	2

2) Учебный план второго курса (основного).

название предметов.	Число часов в неделю.		
	в I	II	III
триместре.			
Математика	2	2	1
Физико-химические приемы исследования (измерительные приборы)	1	2	2
Методология естественных наук	—	1/2	1
Основные физические теории	—	1/2	1
Теория эволюции	1	1/2	—
Биологическое учение о рабочей силе	2	1	1
История социальной техники	1	1	—
Машинное производство	—	—	1
Политическая экономия (основной курс)	1	1	1
Новейший капитализм	—	2	2
Аграрная эволюция	—	—	1
Общая теория налогов и финансов	—	—	1
История общественных мировоззрений	2	1/2	—
История экономическ. воззрений	1	1/2	—
История права и государства	—	1/2	—
История литературы и искусства	1	1	1

НАЗВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ.	Число часов в неделю.		
	В I	II	III
	триместре.		
История социальных движений XIX и XX в.в.	4	1	1
История рабочего движения и формы рабочих организаций	2	—	—
Социалистический идеал.	—	—	1 1/2
Исторический материализм.	—	1	3/4
	15	15	15

Дополнительные курсы.

Всеобщая организационная наука	2	2	—
Повторительный курс математики.	2	2	2
Начертательная геометрия.	1	1	1
Состояние и развитие производительных сил России	1	1	1
Страноведение.	1	1	1
Рисование.	1	1	1
Черчение.	1	1	1
Статистика.	1	1	1
Немецкий язык.	2	2	2
Английский язык.	2	2	2
Французский язык.	2	2	2

Примечание. Обозначение часов имеет условное значение; именно, —1 час. в семестр означает приблизительно 14 часовых лекций, которые могут быть прочитаны, напр., в 7 недель по две сразу, и даже в три—четыре недели, по две двухчасовых в каждую; 1/2 часа в неделю означает 6—8 лекций и т. д.

Курсы.

Вечерние рабочие курсы по политической экономии, по истории социализма и естествознанию открылись 9 декабря в Горках Могилевской губ. В Курске организованы первые пролетарские технические курсы. Первая лекция была посвящена современным задачам техники. В первых числах декабря в клубе имени Ленина в Рязани открыты пролетарские курсы, задачей которых является «просвещение рабочих масс в политическом отношении». В Казани открывается пролетарская школа общественных наук. Лекторами приглашены преподаватели школ всех ступеней и университета, разделяющие учение Маркса и сочувствующие коммунистам. В Копяевском рабочем клубе имени Володарского, в Рыбинске открыты вечерние общеобразовательные курсы. Рабочие курсы открыты профессиональными союзами в Смоленске.

Рабочие клубы.

Рабочие клубы вырастают во всех городах, крупных селах и рабочих поселках.

В ноябре был открыт ряд коммунистических рабочих клубов имени Ленина: в Рязани, в Рыбинске, в Балабанове, в Белеве, три клуба в Ямбурге и др. В Ефремове Тульской губ. открыт клуб «Пролетарий».

В клубе «Рабочий» в Твери состоялось собрание фабричных библиотечных советов. На собрании указывалось на незначительность клубных библиотек, неаккуратную доставку газет почтой. Карточную систему библиотек рабочие изучают самостоятельно в виду отсутствия инструкторов. Тульский рабочий клуб устроил экскурсию в Москву,

в Твери открыт клуб коммунистов Морозовского района, в Саратове Пролетарский объединенный клуб памяти октябрьской революции устроил детский клуб и клуб для юношества. Пролетарский детский клуб открыт в Перми, еврейский рабочий клуб имени Борохова (видного деятеля Соц. Евр. Раб. Партии—«Серпу») организован в Смоленске. В Нижнем-Новгороде особенное внимание обращено на устройство библиотек при клубах. В Торжке и в Весёгонске при клубах открыты театры, на фабрике Кунаева в Иваново-Вознесенске открыт рабочий клуб имени октябрьской революции. Конференция фабрично-заводских комитетов Вышне-Волоцкого района ассигновала 25 тысяч на осуществление культурных задач. При рабочих клубах устраиваются лекции, при чем усиленный интерес рабочие проявляют к лекциям по политической экономии и к лекциям по литературе. Провинциальная печать отмечает огромный интерес к клубам, но и не скрывает некоторых грехов. Так, в уездных клубах слишком много времени уделяется танцам, а посетители рабочего клуба в Иваново-Вознесенске, например, жалуются на фабричную молодежь, которая шумной толпой врывается в клуб, «замурнычивает с девицами и не соблюдает тишины». Большинство клубов открываются местными комитетами Р. К. партии. Некоторые рабочие клубы, например, в Гусе-Хрустальном, располагают реквизированными библиотеками в тысячах томов и испытывают лишь недостаток в современной политической и справочной литературе. Но вообще устройство клубов завлечет о невозможности приобрести литературу в провинции и о крайне неаккуратной доставке столичных газет.

В декабре в провинции возник ряд новых рабочих клубов. В Рыбинске открыт рабочий клуб работников водного транспорта под названием «Бурлацкая коммуна». На зимовки и гавани отправлен бурлаком призыв, чтоб они шли в свой клуб. При клубе имеются читальный зал, буфет, и организована хоровая секция. В Балабанове след за клубом коммунистов открылся рабочий клуб имени Ленина. При клубе устроен детский сад для детей рабочих. Рабочие сельскохозяйственных мастерских в Ново-Торжском уезде решили создать рабочий клуб, 15 декабря состоялось открытие рабочего клуба «Пробуждение» в Ефремово Иваново-Вознесенской губ. В Вязьме Смоленской губ. открылся рабочий клуб «Коллектив»; устроена чайная и читальня. Открылся Социалистический клуб в Галиче; 13 декабря была прочитана лекция на тему «Пролетарская Культура». По сообщению Галичских «Известий», лекция была тепло принята слушателями и закончилась оживленным обменом мнений. В Казани, при Алафазовском фабрично-заводском комитете, открыт рабочий клуб; начались правильные лекции по социально-экономическим наукам. В клубе «Пролетарий» в Туле даются спектакли для рабочих труппой клуба. Рабочий клуб имени Макина при станции Сызрань, возникший 11 декабря, послал приветствие вождю коммунистов в Англии—Маклину. В Бежецке,

в клубе рабочих устроен ряд общедоступных лекций. 14 декабря прочитана лекция о Великой французской революции. Пролетарский клуб в Чардыне Казанской губ. устроил ряд литературных вечеров, бесплатных для пролетариата. Рабочий клуб в Рыбинске устраивает вечера революционных песен. 19 декабря состоялось первое собрание членов Центрального клуба елецкого пролетариата. Рабочий клуб в Коврове устроил ряд вечеров для рабочих.

Союзы рабочей молодежи.

Большинство союзов рабочей молодежи, возникших в провинции, посвящены III интернационалу. В Тихвине организован союз рабочей молодежи «III Интернационал» с секциями политической пропаганды, культуры и искусства и труда. Союз рабочей молодежи в Калуге решил издавать ежемесячный журнал «Авангард». В фабричном поселке Ефремово Иваново-Вознесенской губ. союз рабочей молодежи поставил задачей «уничтожение всевозможных пороков, предрассудков и невежества»; устраиваются: библиотека, читальня, собрания и т. д. Владимирский союз молодежи обратился ко всем организациям молодежи губернии с воззванием, в котором, между прочим, говорится: «Когда мы приняли название «III Интернационал», мы откинули почти всю интеллигенцию. Но было бы величайшей ошибкой заключить, что в организацию принимаются только коммунисты, мы зовем в нее всех, кто борется за царство трудящихся». Союзом молодежи во Владимире устроен был 20 ноября митинг, на котором решено послать приветственную телеграмму германской революционной молодежи. Такую же телеграмму отравил германскому юношеству через Лисинхета Елецкий союз молодежи. В Казани открыт Дом социалистической молодежи с целью объединения будущих строителей жизни. Смоленский союз молодежи «III Интернационал» устраивает рабочие спектакли. Труппа—50 человек. Ряд союзов молодежи возник в Иваново-Вознесенском районе, в Твери, в Саратове, где, между прочим, решено организовать только рабочую молодежь от 15 до 22 лет. Учащиеся будут выделены в отдельную секцию. В Рыбинске союз рабоче-пролетарской молодежи «III Интернационал» выработал устав, в силу которого новые члены принимаются лишь по рекомендации двух членов союза. В Тульском союзе молодежи начались лекции из цикла «социализм». В Ельце местным Пролеткультом открыт Дом юношества. В Чистополе, в Слободке, в Карачеве союзы рабочей молодежи устраивают совместные чтения. Праздники октябрьской революции дали значительный толчок к устройству новых коммунистических союзов молодежи.

В декабре союзы рабочей молодежи возникли в Брянске, в Кузнецке, в Галиче, в Сычевке (Смоленск. губ.), в Рыбинске (клуб юных коммунистов), в Борисоглебске, в Карачеве (Орловск. губ.), в Советске, (Вятск. губ.), в Чембарске (Пензенск. губ.), в Елабуге. В Кинешме состоялся уездный

съезд союзов молодежи. Владимирский союз молодежи 15 декабря созвал во Владимире губернский съезд. В программу съезда вошли вопросы о текущем моменте, о культурно-просветительных задачах молодежи, о движении молодежи на Западе и в России и др. В Казани 14 декабря торжественно открыт Дом молодежи, объединивший все существующие в Казани культурно-просветительные кружки молодежи на началах пролетарской культуры. Коммунистические союзы рабочей молодежи в Нижнем-Новгороде и Покровске Саратовск. губ. устраивают спектакли и митинги.

Пролетарские театры.

В последнее время в провинциальной печати усиленно затворили о пролетарском театре, находя, что этот вопрос выдвинула сама жизнь. В очень многих городах драматические театры взяты в ведение местными Советами, однако, специальных рабочих театров все еще немного. Коммунальный театр открыт в Липецке; в Павлове Нижегородской губ. организован театр для рабочих; в Колодзине Пролеткультом открыт детский театр на фабрике Гризнова; в Иваново-Вознесенске открыт рабочий театр при фабрике. Вопрос о пролетарском театре поднят в Твери местным Пролеткультом. «Пролетарский театр должен быть театром социалистическим»,—говорится в проекте, выработанном Пролеткультом.—Создание социалистического театра должно быть основано на стремлении дать возможность пролетариату художественно, полно выжить свое трудовое коллективное «я» в театральном творчестве. Драматическая рабочая студия,—говорится далее в проекте,—свободная студия. Здесь не должны учить «играть», а должны лишь развивать и исправлять индивидуальность актеров-рабочих, чтобы сохранилась в них та их душевная пролетарская непосредственность, которая одна только и может создать в коллективе их собственный театр, художественно - пролетарский социалистический театр. Вся работа в студии должна быть построена на товарищеском сотрудничестве. Студия должна быть в постоянной живой связи с фабрично-заводскими театрами (Берга, Морозовской мануфактуры, Русско-балтийского завода), с театральными пролетарскими кружками, брать оттуда сырой актерский материал и давать артистов-творцов».

Репертуар рабочих театров не всегда стоит на высоте. Иваново-Вознесенская газета «Рабочий Край» сообщает, что местным рабочим театром ставятся фарсы. «Теща в дом—все вверх дном», «Роговой браслет», «Денщик виноват» и т. п. После таких спектаклей—танцы...

На репертуар кинематографов в некоторых городах провинции обращено, наконец, внимание. Культурно-просветительный отдел в Твери объявил, чтобы все картины кинематографа, а равно и пьесы, ставящиеся на сцене городских театров, должны быть зарегистрированы коллегией отдела.

Вопросу о пролетарском театре были посвящены статьи в некоторых провинциальных газетах. «Курская Ведомость» находит, что репертуар революционных пьес исчерпыва-

вается пока «Ткачами», «Собакой садовника» и «Зорями». Пензенские «Известия» рекомендуют уделить больше внимания пролетарскому театру. «Думы» также призывают к более внимательному отношению к репертуару.

К 1 января 1919 г. имеются, по данным провинциальной прессы, губернских пролеткультов 11, уездных 13, пролетарских университетов 18, рабочих клубов 22, союзов рабочей молодежи 26, рабочих курсов 10.

Отчет Колпинского Пролеткульта Петроградской губернии.

Иstek год Великой октябрьской революции, когда рабочий своими мозолистыми руками вырвал власть у капиталистов и продиктовал им свои условия. Трудно, безусловно трудно было людям не приспособленным управлять государственной машиной, но они в течение целого года, борясь с саботажем, контр-революцией, выступлениями, злоупотреблениями, все-таки вышли победителями из этой, как казалось бы, непосильной борьбы. Вся Россия праздновала великий день годовщины октябрьской революции. Спешно приготовился к торжеству «Пролеткульт» гор. Колпина, заселенного исключительно рабочими.

Театральный отдел ставил в дни 7-го, 8-го и 9-го ноября ряд бесплатных спектаклей, а именно: утром 7-го был дан детский спектакль для детей старшего возраста—«Ревизор», комедия Н. В. Гоголя, вечером—7-го же пьеса «Дурные пастыри», соч. Мирбо, и 8-го

утром для детей младшего возраста «Ревизор», вечером «Дурные пастыри». Утром 9-го «Ревизор», вечером «Маркиза-де-Мона», соч. Понсара. «Ревизор», «Дурные пастыри» и «Маркиза де-Мона» были исполнены артистами «Пролеткульта» при участии всех студистов.

Кроме того, студистами вокально-музыкального отдела, из которых организован хор, были исполнены перед началами спектаклей Интернационал, «Варшавянка» и «Вы жертвою пали», и выступил великорусский оркестр из студистов музыкального отдела. Студисты принимали деятельное участие по приготовлению украшений города. Во все дни празднеств бесплатно функционировал кинематограф Пролеткульта «Светоч»,—днем для детей, а вечером для взрослых.

В «Пролеткульте» г. Колпина имеются следующие отделы: театральный, литературный, музыкально-вокальный, спортивный, художественный, декоративно-лепной, а также и кинематографический.

Записываются во все студии очень и очень охотно, напр., в театральной студии значится 110 человек, в музыкально-вокальной 120 человек и т. д.

В скором времени литературным отделом открываются читальня, библиотека и идут приготовления к выпуску журнала «Ежемесичника», для чего литературный отдел клинул клич, призывая всех желающих принять участие в журнале, пометать в нем статьи, рассказы, стихотворения и т. п.

Идут приготовления к открытию занятий в художественном и спортивном отделах.

Библиография.

«Пролетарский Сборник. Книга первая. Издательство В. Ц. И. К. Советов. Москва, 1918 г., 314 стр. Цена 10 руб.

Приступая к изданию «Пролетарских Сборников», редакция, как сказано в предисловии, стремится «в доступной художественной форме вскрыть общественные язвы прошлого, еще не изжитого, и наметить, новые вехи, ведущие в царство социализма».

Это—великая задача пред революционным пролетариатом. Она требует колоссального напряжения творческих сил пролетариата и объединения их,—а самое главное, ясного и отчетливого понимания путей и методов, которые ведут к разрешению одной из самых трудных задач, связанных с социалистическим переворотом, именно социалистического воспитания пролетариата, а потом и всего человечества.

Прочитанный сборник убеждает нас, что авторы сборника не только не разрешают намеченной редакцией задачи, но и не понимают ее.

Чтобы не быть голословными, а также и предостеречь других от аналогичных ошибок, разберем хотя бы то, что особенно режет наше социалистическое сознание.

Начнем с обложки. на фоне бело-красного неба высятся две дымящиеся трубы разрушенного завода. Конечно, представление о

пролетариате неразрывно связывается с фабрикой, заводом и революцией. Образы их более всего напрашиваются на обложку пролетарского сборника; но это не главное. Сущность дела в том, чтобы посредством данных символов выразить нашу социалистическую идею, а она на данной обложке выражена односторонне и в корне неправильно. Разрушенный завод на фоне бело-красного неба... Но разве революция есть только разрушение? Где и чем выражены творческие порывы революционного пролетариата? Никаких признаков этой идеи на рисунке вы не найдете. Может быть, автор хотел выразить мысль, что революция уничтожила источник эксплуатации рабочего—завод. Это слишком примитивно, не научно и опять-таки в корне неверно. Введение в производство машин сопровождалось понижением заработной платы, рабочие разрушали машины, как источник бедствия; но давно все сознают, что зло было не в машинах, а в условиях развития капитализма; точно так же мы не можем представлять и завод как источник бедствия; дело не в заводе, а в условиях производства. Если раньше, при капиталистической эксплуатации, завод изображался в поэзии вагнером, сосущим человеческую кровь,—то теперь, при строительстве социалистического общества, завод—храм, в кото-

фом рождается и развивается новая, могущественная и прекраснейшая жизнь. И если в момент революции разрушаются и гибнут заводы, то мы глубоко сожалеем об этом; надо их брать в свои руки, реорганизовать на социалистических началах, но ни в коем случае не разрушать. М. Бакунин когда-то писал, что «дух разрушающий есть дух созидующий»; марксизм этот парадокс давно опровергнул, показав, что в анархистском движении «дух разрушающий» действует во всю, а «дух созидующий» спит молодецким сном.

В полном соответствии с обложкой и содержанием сборника. Социализм борется с индивидуализмом; на место героической, критически-мыслящей личности социализм чистовил на первый план класс, коллектив. Редакция забывает об этом и помещает, например, стихотворение Е. Конобеева, где на протяжении шестнадцати строк рассуждает и действует только я, я и я... Вот эти строки:

«В водовороте, обрызган пеной,
Я правлю чели в грядущий мир...
Душой орлиной, в полете смелой,
Горячей речью—острей секир—
Зову к восстанью, зову к победам».

«Я юн. Я молод. Ручей журчащий...
Все, все озонит мой поток...
Прочь, прочь, с дороги, трус дрожащий,
В грядущий мир плыви челнок».

В этих строках решительно нет ничего пролетарского; подобных мотивов в буржуазно-гражданской поэзии можно отыскать сотни. Передо мной лежит «Весенний салон поэтов», перевортывая несколько страниц и встречаю стихи Ю. Балтрушайтиса. Он—типичный буржуазный поэт, но это ему не мешает верить...

«в жребий венчальный,
В царствие часа без боли,
В посох, ведущий средь мрака
Вечные зори...
В сумрак, о звездах поющий,
Свет воскресенья сулящий
Чудом страданья...
...в молот дробящий,
В пламя и в меч создающий,
В жертву зыждительной дрожи,
И дар оправданья».

Сопоставляя стихи Конобеева и Балтрушайтиса, мы не видим в них идеологической разницы. Правда, Балтрушайтис талантливее, скромнее Конобеева, и он не выставляет своего я на первый план,—но это не дает ему, как и Конобееву, права на место в пролетарских сборниках.

Если же взять «Прометей» Эсхила, который написан за 460 лет до Р. Х., то в нем вместе с красотой и мощью стиха мы встретим и увлекающую вас революционную стихию. На угрозы Гермеса Прометей гордо отвечает:

«Я не отдам своей ужасной казни
За счастье быть у Зевса на послышках;
Уж лучше быть рабом моей скалы,
Чем Зевсовым слугой любезно верным...
Пусть кинет он молниеносный луч,

Пусть бросит снег метели белокрылой,
Иль всколыхнет раскатом грома землю,
И рушится кругом все мирозданье...
Отбросьте мысль, что в страхе мало-
душном
Склонился я под иго произвола...
Стал умолять спасти меня от казни—
О, никогда!»

Как много выиграл бы «Пролетарский Сборник», если б хоть один поэт его мог так образно и страстно выразить свой революционный порыв.

Вот стихи И. Назарова. Автор для своей песни

«Взял у близких людей
Горе, стоны и скорби тяжелые»
и уверяет читателя, что он
«Их душой пережил
И мечтой воплотил».

Может быть это так, но мечта поэта, увы... очень далека от социализма. Назаров негодует на насилие и гнет и даже много раз кричит «долой», он хочет, чтоб каждый кормился своим трудом и не жил на счет другого... и все это только потому, что

«ясен божий день,
солнце радостно сияет;
тихи хаты деревень,
все цветет, благоухает,
пышны всходы на полях,
зреет рожь и колосится».

Раз кругом такая благодать, то автор в полном недоумении и растерянности меланхолически (такова его «муза»), спрашивает:

«Зачем же ненависть в сердцах
Народа страшная гнездится»...

О святая простота!.. Такая простота порой бывает спасительна для человека, но не для социалиста, конечно, а для мешанины обывателя.

Назаров не виноват, что он не искушен в теории. Капитал не дал ему времени для самообразования. Но редакция... Надо полагать, что люди, взявшиеся за редакторское перо, умеют отличать социалистические идеалы от буржуазного понимания социалистического общества, в котором каждому отведут стойло с обильной порцией норма.

Назарову не много надо в будущем, он и теперь «не знает никогда горести и скуки» «и весь день за верстаком песни распевает». Счастливый человек! Своей беззаботностью он заразил даже и почтенную редакцию.

На странице 30-й Олег Пан воспекает «Власть Земли». Автор поет хвалу кичливым городам, но он одновременно заявляет:

«Никогда им душу не отдам,
Она в плену у чар земли.
Хвала вам, храмы, памятники, башни,
Музеи жизни прошлой боевой,
Но не милей ли золотые панши
И запахи изумрудных хвой.
Но не милей ли трели певчих птах,
Закат, вчера кидавший розы в рожь,
И почка звездная, прошедшая в мечтах,
Заря, любовь и жуть и дрожь».

Тут, конечно, социализма столько же, сколько у любого архибуржуазного поэта. Автор, может быть, и прав, предпочитая «любовь и дружбу» и «трети птах» храмам, башням и музеям жизни боевой, но он странным образом не замечает рабочего творца новой жизни, в которой слагаются гимны восстанию и куется новая грядущая жизнь.

Странная история. Все авторы сборника поражены какой-нибудь болезнью: иной страдает простотой святой, иной порою слеп бывает, а тот навеки глух и об еде одной мечтает...

Есть в сборнике песнопения из часослова. Они так характерны для «Пролетарского Сборника», что мы позволим себе привести одно из них целиком. Озаглавлено оно «Свя-тый Боже».

«Как светлы в храме златые ризы,
Как тихи песни в вечерний час!
Кадила ладан взвывают сизый,
И ласков темный Пречистый Спас...

Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас!

Тебе моления возносим, Спасе,
Услыши, Боже, наш скорбный глас.
Суровый ветер светильник гасит,
Светильник веры в сердцах угас...
Введи нас, Боже, в чертоги Рай,
В наш час последний, в закатный час...
На тихий лик твой с тоской взирая,
Тебя мы молим, о Кроткий Спас:

Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас!».

Так пишет «пролетарский» поэт Д. Семеновский. Против этой твердыни божественности мы теряемся с нашей точкой зрения революционного социалистического пролетариата.

Когда царь Волот спрашивал у мудрого царя Давида, какой город всем городам отец, последний ответил: «Иерусалим всем городам отец, потому что в нем—пуп земли».

Этим выпитымшим пупом и торчит в сборнике стихотворение Д. Семеновского. Свой ум-пазук он получил, несомненно, от самого Христа, самого Христа-Царя Небесного, как сказано в «Голубиной Книге». И тут трудно подходить с идеологией марксизма.

Мы далеко не исчерпали «перлов» сборника, но рецензия затянулась, а мы вынуждены хотя бы несколько слов сказать еще и о внешне-художественной стороне «пролетарской поэзии» сборника.

Приведем образец:

«О надеждах обманутых плакали скрипки,
И катились их трети каскадами вниз.
И бесильные слезы, больные улыбки
В прихотливые ткани сплелись.
О любви—промелькнувшем фантоме—
Что-то вспомнила виолончель
И забылась в чарующе-сладкой истоме»...

Так пишет «пролетарский» поэт И. Рубель. Какая бессознательная отравка идет... бессознательная, но преступная в самом своем корне. Неужели так пишут пролетарские поэты?

И все это происходит потому, что, как пишет И. Филиппенко, славная сила новый мир для счастливых потомков творит из «старых обломков». Незавидное счастье; так и хочется с тяжелым вздохом сказать: «Унеси ты мое горе, быстра реченька, с собой».

Пролетариат воспевается в сборнике как *витязь и богатырь*, как переходный *калик и орда*.

Ни редакции, ни авторам, очевидно, не было времени подумать над тем, что такое калики и богатыри. Калики, это были в древнейшее время лица духовного и светского происхождения из княжеско-дружинного класса населения, путешествовавшие со своими слугами и дружиной по святым местам. Это были люди знатные и богатые, в роде новгородского боярина Василия Буслаева. Позднее в разряде калик очутились и люди низшего сословия. Но что общего между каликами и пролетариатом, трудно разгадать.

Не менее странный образ богатыря, витязя. Как известно, богатыри перевелись у нас в неравной борьбе «с силою нездешнею», «с силою небесною». Как подбежит витязь к горе, так и окаменеет; как подбежит другой, так и окаменеет; как подбежит третий, так и окаменеет. Так и перевелись богатыри на Святой Руси.

Княжеско-дружинное богатырство погибло, как известно из летописи, с нашествием татар. Мы думаем, что пролетариат, несмотря на атаку всех империалистов, выйдет из современной революции победителем. Кроме того, богатыри были защитниками княжеско-дружинного управления, да и самое слово богатырь в широких массах обычно производит от слова бог, богатый, и обозначают им воина, наделенного сверхъестественными силами...

Все это мешает рисовать пролетариат и виде богатырей и витязей.

Целено также сравнение пролетариата с ордой. Мы мыслим пролетариат как класс сильный своей организованностью, который строит будущую жизнь на коллективно-организованном труде, а орда, это—что-то хаотическое, неорганизованное, дикое, в роде тех татарских орд, которые в свое время побили Русь. Непривлекательный образ!

Наконец, мы вылезли из трясины поэзии и с трудом добрались до прозы.

Все темы ее старые, давным-давно пережеваны; правда, они затрагивают так или иначе какую-либо сторону из жизни революционеров, но революционеров-интеллигентов; подлинных пролетарских настроений в представленных вещах нет, а есть переживания интеллигенции, которая с этой стороны мало нас интересует теперь.

Если среди стихов лучших являются стихи В. Александровского, то среди прозы—«Приговоренный» С. Гусева-Оренбургского.

Таков «Пролетарский Сборник»—книга первая. Это—образец того, что является самой худшей фальсификацией пролетарской литературы.

В. Подьянский.

«Вестник Жизни». Итоги политики, науки, литературы и искусства. № 1. 1918 г. Издание Всер. Центр. Испол. Ком. Советов. Цена 5 рублей.

Задача этого журнала—«подвести итоги всему, что сделано октябрьской революцией, произвести отбор всему значительному, что удалось уже достигнуть, дать теорию и практику юных форм пролетарско-крестьянского быта, осветить жизнь тех многочисленных организаций, которые создал пролетариат на своем победном пути для многообразного достижения своей великой цели—утверждения социализма».

Появление журнала с такими задачами вполне своевременно; пора уже подвести итоги нашей работы и поставить ее во всех своих проявлениях на твердую теоретическую почву; это особенно важно для того многочисленного кадра советских сотрудников, которые самые сложные вопросы экономической жизни и политики разрешают от «чистого разума», а чтобы не оказаться в хвосте движения, держат курс иногда левее «звонкого смысла».

К сожалению, насколько позволяет судить № 1 журнала, намерения редакции не осуществились даже в малой степени. Ей не только не удалось подвести итог какой-либо стороне нашей быстро текущей жизни, но не удалось с достаточной полнотой и яркостью нарисовать и отразить ее на страницах своего органа.

Несмотря на многочисленные отделы журнала, приходится констатировать, что статьи носят случайный характер, а авторы не постигают и не улавливают глубинной сущности явлений жизни, скользят по ее поверхности, отчето статьи носят характер газетного творчества наспех.

«О теории и практике юных форм пролетарско-крестьянского быта» говорит всерьез же приходится. Такого быта никогда не будет. Что же касается чисто пролетарского быта, то еще не пришло к этому время. Этот быт надо вылавливать, как крупички золота в руде, систематизировать и объединять, и только тогда в той или иной форме возможна теоретическая его обработка.

В данном обзоре мы остановимся на тех статьях, в которых затрагиваются вопросы, всегда стоящие перед нашим журналом; это статьи о судьбах пролетарской культуры и о пролетарском искусстве.

Этим вопросам посвящены статьи покойного тов. К. Завенского. Они поражают нас своей путанностью. Ее мы должны вскрыть, чтобы пролетарий мог добраться до сути дела.

Автор правильно констатирует, что культура пролетариата складывается из его классовой науки, классowego искусства и классовой этики. Но мы никак не можем понять, особенно после работы К. Каутского «Этика и материалистическое понимание истории», утверждения автора, что «пролетарская этика—следствие его психического развития».

Каутский о происхождении этики высказался в следующих положениях: «Нравственный закон есть, разумеется, продукт соци-

альной природы человека; нравственные нормы являются, разумеется, продуктами *особенных общественных отношений*. Эта точка зрения нам понятна и близка; суждения же К. Завенского не лишены идеалистических тенденций.

Отделяя пролетарскую культуру от социалистической, автор строго их разграничивает, утверждая, что социалистическая культура может развиваться *«лиць в обстановке социалистического строя»*. Это по меньшей мере не точно. Автор был бы прав, если бы пролетарская культура была культурой рабочего класса, исключительно как класса борющегося, и только. Автор ищет «развитие пролетарской культуры—одна из сторон процесса этой (классовой) борьбы». Это—односторонняя и узкая точка зрения. Пролетарская культура не только культура классовой борьбы, но и культура коллективного сотрудничества, что особенно для нас важно. Этот фундамент коллективного сотрудничества сплавляет обе стороны грядущей культуры в один слитый, нераздельный и исторически неизбежный процесс. И нет возможности провести принципиальную грань между пролетарской и социалистической культурой: Это—две стадии культуры общечеловеческой.

Не совсем понятен нам взгляд автора и на искусство, как «плод свободного развития человеческих чувств», восприятия впечатлений, всего, что нас окружает». В дальнейших строках автор сам чувствует недостаточность такого определения и добавляет: «точнее: оно (искусство) составляет обобщение в образах чувств той общественной среды, в обстановке которой рождается, воспитывается, живет, творит художник». Однако, ни то, ни другое определение, ни оба взятые вместе, не являются исчерпывающими. Если в первом автор хотел подчеркнуть происхождение искусства, то он попадает в ту же ошибку, что и при определении пролетарской морали; если во втором подчеркнута сущность искусства, то опять-таки недостаточно полно и научно; опущена организующая роль искусства, на что мы особенно должны указывать, чтобы искоренить буржуазный взгляд на искусство как забаву и развлечение.

Странно звучат и следующие положения: «Конечно, воспроизведение в образах чувств пролетариата—гораздо более сложное дело, чем организация опыта».

Мы—сторонники строгого метода и никак образом не можем брать чувство вне опыта. Для нас чувство—преображенный опыт, большей частью индивидуальный, а иногда и социальный, если художник своим талантом обнимает жизнь во всей ее полноте и сложности.

Поправке подлежит и основная мысль, что *воспроизводит* в образах чувства пролетариата труднее, чем организовать в научную систему его опыт. Автор, очевидно, перефразировал не раз высказываемое нами положение, что интеллигент может мыслить за пролетариат, но не чувствовать. Но он упустил из виду, что у нас центр внимания лежит в основном процессе *активного восприятия* и постижения жизни сознанием и психикой, а у него все внимание сосредоточено

на процессе воспроизведения, воссоздания сознательно или бессознательно воспринятого, но это процесс производный, второго порядка.

Указанная непродуманность вопроса очевидно не случайна, так как в другом месте журнала, именно в статье К. Крайнего «Изобразительные искусства», наш взгляд на искусство оспаривается, хотя и с оговорками.

Статья «Трудовая школа» С. А. Ш—ича написана поверхностно; совершенно не ясно, чем наша социалистическая трудовая школа будет отличаться от буржуазной трудовой школы. Кроме того, многие весьма сложные и еще спорные вопросы о постановке труда в новой школе решаются автором без доказательства, не выяснен также и социалистический характер школы.

Все сказанное, однако, не мешает нам рекомендовать журнал вниманию читателей. «Пролетарская Культура» помогает развиваться и подводит итог одной стороне жизни, революционно-культурному воспитанию рабочего класса—«Вестник Жизни» намеревается подвести итог всей жизни. В этом отношении мы будем пополнять друг друга, тем более, что «Вестник Жизни» в понимании задач пролетарской культуры стоит в общем и целом на верной точке зрения. Журнал может сыграть крупную роль, если он будет не столько гадать о будущем, сколько подводить итоги прошлого и настоящего, как обещано в статье от редакции.

В. Кузавин.

„Градушая Культура“. Журнал пролетарского творчества. Издание Тамбовского Пролеткульта. № 2. Декабрь 1918 г. Цена. 2 р.

В предыдущем номере «Пролетарской Культуры» мы уже отметили журнал Тамбовского Пролеткульта. Номер второй не дает такого материала, который мог бы изменить в ту или иную сторону высказанное нами мнение.

Те же недостатки в рассказах И. Мохначева и Ф. Совы. Как и прежде они написаны живо, увлекательно и просто, но старый подход к теме не выделяет этих рассказов. Судя по ним, мы думаем, что оба эти автора не сумеют дать что-нибудь новое, в пролетарском духе; старое же, которым они владеют, крепко держат их в своих шаблонах.

Те же достоинства статей. Все они написаны сжато, но ясно, с полным пониманием основных принципов, которыми приходится руководиться при разрешении различных вопросов пролетарской культуры,—теоретических и практических, больших и малых.

В связи с Конференцией Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций Тамбовской губернии рабочих Пороховик выдвигает вопрос о создании Пролеткультов по уездам и об урегулировании работы в равного рода культурно-просветительных кружках, комиссиях, клубах и т. п.

До сих пор работа велась за свой страх и риск, никем не контролировалась, никем не объединялась. «Такому положению вещей Конференция должна будет положить конец». «Она должна будет заявить со всей мощью пролетарского голоса: нет места сепаратной

работе в нашей среде, а есть только коллективный труд».

По этому же вопросу Л. Б-а пишет: «Необходимо, чтобы все отделы, занимающиеся издательством и культурно-просветительной деятельностью, прислушались к руководящему голосу строительства Пролеткульта... а то все делается без всякой системы, без плана в общегосударственном масштабе и часто в полном противоречии с идеалами рабочего класса». Указывая, что руководящая роль в Пролеткультах должна принадлежать Коммунистической партии, автор в то же время не закрывает глаз на то, что ее выступления в области культурного строительства оставляют желать много лучшего, а поэтому «Пролеткульт и остается чистой диктатурой пролетариата в области творчества социалистических ценностей».

Выдвигая организационные вопросы, Л. Б-а подчеркивает в полном согласии с резолюциями Всероссийской Конференции, что пролетарские культурно-просветительные организации должны установить обязательную материальную поддержку Пролеткульта.

В журнале есть статьи: «Пролеткульт и внешкольные отделы», «Краткий обзор культурной жизни в Тамбовской губернии», «О литературных студиях Пролеткульта», «Революция и искусство» и «О мировом искусстве».

В одной из статей попутно разбирается вопрос о коллективном творчестве. Это сейчас животрепещущий вопрос, ему в номере нашего журнала посвящена особая статья. А вот что пишут по этому поводу тамбовские товарищи: «Ясно, что сейчас коллективное творчество не может пониматься так, что все, например, сто участников студии принимают участие в одновременном сочинении какого-нибудь рассказа. Опыты в этом направлении могут быть сделаны, но заранее можно предположить, что они будут обречены на неуспех. Может быть, и очень скоро мы к этому придем, но пока мы все еще слишком индивидуалистичны, мы все слишком разные, многое мы чувствуем и понимаем различно, потому и произведение, написанное сообща, коллективно, будет, по всей вероятности, пестрым, противоречивым в своих отдельных частях, нехудожественным». Эта точка зрения вполне совпадает с нашей.

Интересно написана рецензия С. Клубенин о «Цветках восстания» А. Померского. Написана она с подъемом, искренно и правдиво; отмечены достоинства и недостатки, отмечены они без лести и язвительности, а как полагается товарищам, ведущим одну борозду.

Искренно приветствуя расширение кругозора рабочей интеллигенции, товарищ С. Клубенин пишет, что «полет пролетарской музыки за пределы заводов и фабрик связан с большой опасностью»... «в возвращении к мотивам старой поэзии». Теперь пролетарская поэзия находится еще в стадии зачатия, поэзия же буржуазного мира сильно своей многоголовой зредостью и приманичиво-ядовитой с красочной перезрелостью периода упадка. Мы вполне понимаем опасения автора, и все-таки мы должны, не дожидаясь лучших времен, рас-

вспирять кругозор нашей поэзии, охватывая не только политическую жизнь, но и весь рабочий быт.

Тов. Клубень подметил в стихах А. Померского ноты буржуазного индивидуалистического пессимизма и наличие буржуазного эгоистического идеала, которым грезят влюбленные; но он не только подметил эти чуждые пролетариату черты поэзии А. Померского, но и умел объяснить их как наследие старой культуры.

Журнал «Грядущая Культура» по своей внешности скромнее московского «Горна» и самарского «Зарева Заводов». Уступает он первому и по разнообразию материала. Но у него есть свое достоинство, что мы особенно ценим; в журнале нет того интеллигентского налета, который чувствуется на журналах Московского и Самарского Пролеткульта, в нем больше идейной цельности, которая у последних подменяется неприятной самоуверенностью, самовлюбленностью и бесконечными друг другу посвящениями, иногда даже в одном и том же номере.

П. Л.

„Завод Огнекрылый“. Сборник пролетарских писателей. Издание Московского Пролеткульта. 1918 г. 80 стр. Цена 2 р. 50 к.

Московский сборник Пролеткульта во многом уступает сборникам петроградских товарищей.

Совершенно непонятно, почему сборник носит название «Завод Огнекрылый». Собранные в нем стихи ни в какой степени не развивают общей идеи сборника. В сборнике даже и нет какой-либо объединяющей идеи. Редакция механически собрала стихи самых различных настроений. С одной стороны, воспевается победа труда:

«Победа труда неизбежна,
Кто скажет иное—солжет».

(В. Александровский).

«В листах багрового железа
Читаю зов в межзвездный путь».

(М. Герасимов).

С другой стороны рабочие спешат в деревню и бросают город:

«Брошу город я. С песнею вольной
Возвращусь к вам, деревни-поля,
И на грудь твою мощно-раздольную
Припаду я, родная земля».

«А без вас, мои нивы алмазные,
..... жить не могу».

(П. Ерошин).

Такие сборники не могут способствовать развитию идей пролетарской культуры. Массовый рабочий в полном недоумении—кому же верить: Александровскому или Ерошину. Если классовый инстинкт не подскажет ему ответа, то он так и останется без ответа. В будущем, когда земледелие превратится в индустрию, такого рода недоумения не будет места, а в данный исторический момент, когда налицо борьба пролетарской и крестьянской идеологии, они неизбежны.

В составлении сборников нужна большая чуткость и осторожность; почти всегда необходимо снабжать их соответствующим предисловием, выясняющим новые и старые

мотивы пролетарской поэзии, вращенной в той или иной исторической обстановке.

Об отдельных писателях говорить нет надобности. Данный сборник ничего нового не прибавляет к тому, что мы говорили о них по различным поводам раньше.

С художественной стороны, стихи разного достоинства; есть совершенно слабые.

Сборник разбит на 4 части: «Энтузиазм», «Гул заводов», «Лирика», «Город». В расположении частей не видно логической или психологической последовательности. «Город» представлен тремя стихотворениями, из которых ни одно не рисует города, тем более города современного.

А. О.

С. Малашкин. Мускулы. Поэмы. Издание «Красного Дома». Москва. 1918 г. 38 стр. Цена 3 руб.

Стихи С. Малашкина написаны под влиянием поэзии Э. Верхарна и У. Уитмена; сборник посвящен памяти Верхарна и открывается его стихами:

«Открой, или руки о двери сломай,
Ты, искра, в сиянии встающей зари,
И что бы судьба ни сулила,
Сквозь еонны веков нас влечет,
Спеша, задыхаясь, безвестная сила
Вперед».

Автор весьма удачно взял эти стихи. Они точно формулируют все содержание книги Малашкина. Автор не анализирует отдельных сторон и моментов в жизни рабочего и его борьбы за свое будущее, за свою «новую жизнь», которая ему рисуется почему-то «бирюзовой» и «голубой весной», а воспевает борьбу труда, движение вперед вообще. Пронизывая над интеллигентской поэзией, он пишет:

«О, мне ли, в гулкой тишине,
Считать все пятна на луне
И гула не слышать столич!
Я вижу: в Лиссабоне, Риме,
Берлине, Вене, Петрограде,
Чикаго, Лондоне, Царьграде,
Кидая к небу клубы дыма,
Буйствуя неудержимо,
Сотни мускулов рабочих
Дни и ночи
По металлу
По закалу
Молотами бьют,
Солнце новое куют,
Жизнь куют,
Куют».

Автор весь во власти пролетарских настроений. Он видит:

«..... гений предо мной
Лука, леса, поля и степи
Опутал в рельсы, словно в цепи,
Своею мощною рукою»...

Как истинный пролетарий (автор—рабочий Сормовского завода), Малашкин видит спасение исключительно в рабочем классе. К нему он обращается со словами:

«Эй, рабочие, смелее,
Веселее,

В яром творчестве труда
Стройте выше города,
А в минуты славословий
Города украсьте в банты
Ярче крови...

Со стороны политической стихи неопределенны: автор рисует будущее в виде «свободы», но эта «свобода» отдает либерализмом, демократизмом, — социализм в ней, мало чувствуется. Стихи, видимо, написаны до революции, нет в них той силы и энтузиазма, которые присущи нашим дням, а самые темы довольно однообразны и стары. Лучшими вещами в сборнике являются: «Идите на праздник» и «Женщины».

Не следовало включать в сборник «Богородицу» и «Егория». Эти вещи совершенно не гармонируют с остальным содержанием.

Несколько слов о внешней стороне стихов. Как и М. Герасимов, С. Малашкин любит употреблять приемы: «опесненный песнями», «обветренные ветрами», но у него это выходит как-то тяжело и не всегда к месту.

Встречаются неудачные образы, в роде: «порнаны черные нити тяжелых цепей»; образ цепей, да еще тяжелых, не вяжется с представлением о нитях.

В стихотворении «Демократии» есть строки:

«За то, что из сердца ко мне твоего голубиного
ЛьетсЯ живительный свет».

Вряд ли голубиное сердце на это способно. Голубь—одна из глупых и бесполезных птиц: это «буржуи», как мы их звали в тюрьме. Голубь может быть скорее всего символом сентиментальности и плодотворности.

Стары, не наши и не нужны образы:

«Люди, взгляните,
Тянутся светлые нити—
До Бога стези
Строятся храмы вблизи
Таинств,
Идей,
Равенства
Ваших дней».

Самые стихи часто нуждаются в тщательной обработке, а то попадают места, в роде следующих:

«Что на панели, страдая, стоят
И обливают слезами панель»... («Идите на праздник»).

«Соборного Мая опесненный песнями праздник»... («На станции»).

«О кряж, подслушав твой песни,
И наблюдая мускулов игру»... («Грузчики».)

С. Малашкин поторопился издать свои стихи. Впрочем, это—общая страсть рабочих поэтов и писателей. И за эту болезненную страсть они, в том числе и С. Малашкин, будут расплачиваться в будущем, когда выработаются в действительных художников слова и когда издаваемые теперь стихи при своем несовершенстве будут им укором.

А. О.

С. Есенин. «Преображение». Стихотворения
Издательство «Московская трудовая артель
художников слова». II год I века. 68 страниц.
Цена 4 рубля.

Новое издательство—весьма дорогое и весьма перлишное. В нем объединились интеллигенты из деревни, просто интеллигенты и, к сожалению, один-два рабочих... Нам, например, совершенно не понятно, что могло объединить М. Герасимова с П. Орешником и С. Есениным. Первый—коллективист, вторые—поэты индивидуалистически-интеллигентских настроений.

В своем «Преображении» С. Есенин учится «голубого покоя нити» вылетать в свои кудри. Свой идеал крестьянина Есенин, побывавший в университете Шанянского, формулирует так:

«Я хочу быть тихим и строгим,
Я молчаю у звезды учусь.
Хорошо внимком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.
Хорошо в эту дунную осень
Бродить по траве одному
И собирать по дороге колосья
В обнищавшую душу-суму».

Ни один серьезный и последовательный коммунист не сможет примириться с желаниями автора «Преображения»; коммунист не ищет «голубого покоя», он горит огнем красного энтузиазма и творчества,—он не мечтает бродить по траве «одиноким», он привык чувствовать себя членом коллектива; и на свою душу он не смотрит как на суму нищего,—наоборот, в ней он находит достаточно сил для борьбы не только, с интеллигентскими слащаво-идеалистическими настроениями, но и с врагом более сильным.

В стихах С. Есенина нет даже здоровых крестьянских настроений, хотя си часто вспоминает и «обылицу с красным хвостом» и телят, и кобелей, и многое другое из обихода деревенской жизни.

У него

«Рыжий месяц жеребенком
Запрягся в наши сани»...
«Юбелем исхудалым, тощим
Воеет над землей зари»...
«И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух»...

Даже столь часто призываемый поэтом Бог

«По иному над нашей выгнью
Вспух незримой коровой»...

Возможно, что любители такой «напыщенной» поэзии кривляющихся интеллигентской есть; но рабочему классу она совершенно не нужна. В нашем трудном, но великом творчестве новой жизни она только мешает и раздражает.

С. Есенин думает, конечно, иначе. Он горделиво заявляет:

«До Египта раскочичу ноги,
Раскую с вас подковы муку»...
«В оба полюса снежнорогие
Вопьюсь клещами рук»—

Коленом придавлю экватор
И под бури и вихря плач
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как златой калач...

Что-то жутко-бредовое. Зачем корчиться до Египта или впасть в снежнорогие полюсы? Разве нет другого дела более разумного? Но С. Есенину и этого мало; он еще хочет придавить коленом экватор, чтоб землю пополам разломить. По силам ли это, не есть ли это интеллигентское бахвальство; поэт давно сказал: «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано». Больше. С. Есенин в расщелину земли хочет просунуть свою «власозвездную, как солнечный блеск, главу». Смотрите, гражданин, как бы вас земля не придавила.

Как видит читатель, во всем этом горячечном бреду на первом плане голова и ноги Есенина, его persona, он «исколыхнет мир». Это вот и есть интеллигентский индивидуализм. Не только пролетариату, которому по всему чужд автор, но даже и крестьянский народ, сыном которого он любит себя считать, давным давно забыт поэтом, как безвольный и бессильная толпа.

С. Есенин, как и П. Орешин, весьма кощунственно относится к религии.

«Тело Христово тело,
Выплываю из орта»...
«Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов».
«Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых»...

пишет поэт.

И все-таки без помощи святых он не может обходиться. Его сверчок поет

«О том, как Богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят».

Автор умалчивает, но мы допускаем, что «телята» вполне охотно идут в «облачный рай», но «ослы» оказались упрямее. Ученые, вопреки обязательскому мнению, утверждают, что осел—весьма умное животное, он только настойчив и упрям.

«И полная боли и гнева
Там на окраине села,
Мати Пречистая Дева
Розгой стегает осла».

Нейдет, потому что ему
«Скучно слушать под небесным древом
Вамах незримых крыл».

Словом, С. Есенин, как и П. Орешин, чужд не только пролетарской культуре, но и обще-революционному антагонизму. Раскорячась до Египта, мало что сделаем.

Для большей елейности обложка и первые листы набраны сладкими шрифтом.

В. Г.—.

П. Орешин. Красная Русь. Стихи. Издание В. Ц. И. К. Советов. 116 стр. Цена 2 р. 50 к.

На страницах нашего журнала мимоходом отмечалось, что стихи П. Орешина не имеют никакого отношения к грядущей светлой

жизни. Наоборот, поэт часто ищет спасения от революционных бурь в таинственном общении с миром; населенным ангелами, архангелами и другими небесными силами; несмотря на свое подчеркнуто-стригательное отношение к обрядам христианской церкви.

П. Орешина пытались защищать некоторые интеллигенты, мало еще приспособившиеся к социалистическому осознанию происходящего; его даже приютило Издательство В. Ц. И. К. Советов, и тем не менее его стихи, как писала редакция «Правды» (орган Центр. Ком. Рос. Ком. Пар.), являются «подделкой под революцию», «подделкой под поновщину», а в целом получается мешанина из «революционности» и «хавжества».

Если редакция и распространяется о «белогвардейской книжонке» П. Орешина, то только потому, что на обложке ее стоит «Издательство В. Ц. И. К. Советов». Аналогичное обстоятельство побудило и нас взяться за перо. П. Орешину не место в пролетарских изданиях, а между тем он и его ближайшие коллеги всеми силами стараются принять участие в пролетарских журналах. В ближайшем будущем мы постараемся дать об этих поэтах специальную статью, в которой можно было бы обстоятельно выяснить, как они, вышедшие из крестьянской гущи, оторвались от нее, взяв от деревни отрицательное, и присоединились к декадентствующей интеллигенции, подражая А. Белому, А. Блоку и другим чуждым пролетариату поэтам с их мешанским индивидуализмом, теоретически оправдываемым Ивановым-Разумниковым. Может быть утверждение о белогвардействе чересчур сурово, и Орешина поставить на одну плоскость с Б. Савиновым, сотрудником Каледина, Краснова и других, нельзя, тем не менее оно теоретически правдоподобно.

Двусмысленные и осторожные строки не случайны. Они осознаны. Не даром поэт говорит о своих деревенских песнях словами П. А. Некрасова:

«Нет, мы не хуже других, и давно
В нас налилось и созрело зерно».

Раз так, то и приходится отвечать за каждую строчку, за каждое слово.

Для поэта пролетарская революция—«красный бес», который рвет и разрушает. От него он бежит. Он так и заявляет:

«Пойду по ковыльным дорогам,
В тумане глухом пропаду...
И там с небесами и Богом
Увижусь... и дальше пойду»...

Мы не обладаем особенной чувствительностью и не будем вместе с автором вздыхать по поводу принятого им решения, не будем возводить свои «горе» по той или иной причине, что автор—чужой и пролетарской революции, он ее совершенно не понимает и не старается осмыслить:

«Видю: из выцветшей мезы
Тончутся шумно голубоды.
— Где же свобода?
Снова везут старика смыновей
Под красную ленту»...

«Плачет старуха-мать
О сыне родном:
— А и на кого ты меня, светик,
поки-инул?
А и на кого ты меня, старую,
оста-а-авил?»...

И как полагается в поэзии П. Орешина:
«Скорбный Христос из икон
Смолит на нас».

Октябрьская революция, судя по «Деревенским песням», принесла деревне новую войну, от которой деревня снова задыхается и стонет; да и сама революция не более, как «Смертонос».

«Каин с ножом над землею пляшет
радостный танец...
Все под красным ножом»...

Автор очень часто скорбит, вспоминая «красную шапку» и «красный нож», но он не замечает «белой повязки» и «белого ножа» наших социал-предателей. Впрочем, тут нет ничего непонятного, когда автор пишет про себя:

«Множится черная сила,
Идет вербовка.
Белым цветком распустилась
Моя винтовка».

Тут только два цвета: белый и черный. Белый принадлежит Орешину, а черным цветом, очевидно, подменен красный.

Орешин вместе с «народом», но его «народ»

«В испытанных тяжелых изнемог,
Выстрадал, выболел, воле не рад».

«От Бога в сторону другую не мыслил русский человек»,—говорит автор; а Бог ведь с первых дней творения был врагом человеческого свободы, за стремление к ней первые люди были изгнаны из рай.

Интересно стихотворение «Над градом»:

«В груди под рубахой—свинцовая царская пуля.
В груди бездыханной обиды его не умрут.
Ни тюрьмы, ни ссылки в сосновом гробу
не уснули,
Ни рабская жизнь, ни безрадостный
калорийный труд»...

«Монахиня в черном псалтырные истины
тычет»...

Заводские трубы высокое зарево льют.
Отчаянно ветер на крыше гремит по железу.
По мире не адеишем тоскует монахиня глас.
На улице где-то могуче гремит марсельеза.
Кровавый пожар над столицей еще не погас.
Ревела толпа: смерть дворцам и свобода
лачугам.

Да здравствуют наши советы, министры
доло-ой!

Прошли. Удалились. Снизу над покинутым
другом.

Над гробом сосновым, обитым простой,
кисеей.

В этих строках много непонятного. Если толпа приветствует «наши советы», то царская пуля не при чем. В те дни свистели пули

красные и белые, а министры были социал-соглашательские. Кто же убил и какой пулей? Очевидно, «покинутый друг» сражен красной пулей, потому что те, кто в те дни пал от белых пулей, не призывал монахинь в черном тянуть псалтырные истины. Эта скорбь П. Орешина по убитом белогвардейце или в лучшем, но мало вероятном случае, социал-предателе, искренна и глубока и выражена в сильных стихах.

Может быть, эти строки не следовало бы приводить? У поэта есть более широкие обобщения на развертывающуюся борьбу за социалистический мир.

Про революционную Россию он пишет:
«Вижу тебя распятой на черном кресте
распрей,
Вижу темь в умах, распыняющих тебя.
Хищный кружится над телом израненным
ястреб,
Очи твои умоляющие—скорбят.
Рвут красное знамя и волю в разгуле
диком».
Бесчинства твоя в сгустившейся
темноте»...

Понимая так революцию, поэт зовет к примирению:

«Будет, довольно распрей и кровавых блюд».

Однако, он чувствует, а может быть, и сознает, что черное с красным примирить нельзя, и спрашивает:

«Кто тебя защитит, Русь, мать наша
родная,
Кровью полунестекшую, снимет с креста».

Мы подсказжем автору: черная и белая рать не спасут революционной России даже вместе с англо-американско-французскими штыками. Ее спасение в союзе с коммунистическим пролетариатом мира, а П. Орешин до сих пор как будто не знает этого.

Все сказанное выше и заставляет нас признать оценку Орешина в «Правде» по существу верной, а поэзию его революционному народу не нужной и даже вредной, как поэзию индивидуалиста-интеллигента, хотя бы и вышедшего из саратовской деревни.

Говорит о каком-либо значении П. Орешина для будущей культуры не приходится: он всем своим нутром в мрачном прошлом.
В. Г.—

С. Срединский. «Основы газетного дела». Издание Петроградского Совета, 76 стр., цена 2 р. 30 к.

«Основы газетного дела»—так озаглавлена небольшая брошюра С. Срединского с пояснением: «Краткое руководство». Далее на той же обложке: «Со статьей Н. Ленина—О характере наших газет» и с приложением «Устава союза советских журналистов».

Книга начинается статьей тов. Ленина, из которой я позволю себе привести несколько выдержек:

«Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни,—фактам и фактам на этот счет». «Почему бы вместо 200—400 строк не говорить в 20—40 строках о таких простых, общеизвестных, ясных, усвоенных уже в значительной степени массой явлениях.

как подлое англо-японское нашествие ради восстановления священных прав капитала, как лагзганье зубами американских миллиардеров против Германии и т. д., и т. д.⁴

„Побольше экономики. Но экономики не в смысле общих рассуждений, ученых обзоров, интеллигентских планов и т. п. дребедени. Нет, экономика нужна нам в смысле собирания, тщательной проверки и изучения фактов действительного строительства новой жизни“.

„Мы не умеем вести классовой борьбы в газетах так, как ее вела буржуазия“.

Тов. Ленин заканчивает: „Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной работе. Побольше проверки того, насколько коммунистично это новое“.

После этой яркой критики тов. Ленина, в книге С. Срединского хотелось найти что-нибудь смелое в смысле организации строительства газетного дела в условиях новой жизни.

Но мы находим что-то азбучное, примитивное. В предисловии говорится: „Задачей настоящей книги является служить кратким руководством для газетных работников в провинции“.

Но задача в том, что теперь глуже встает другой вопрос, *какого типа* надо создать газету, чтобы ее читала масса? Об этом много спорили на съезде советских журналистов и даже вынесли резолюцию; но она, к сожалению, не может на местах обновить тип газеты и создать что-то жизненно-новое, нам нужное. С. Срединский в своем кратком руководстве газетного дела говорит, как надо писать передовые, где и на каком месте помещать их. Он поучает: „Передовая должна состоять, как обычно состоят все газетные статьи, из вступления—не более одной четверти всей статьи—и заключения, в котором даются на основании всего предыдущего выводы“, и т. д. Затем он объясняет, как пишутся подпередовые, а затем статьи общего характера, и т. д. Наконец, вы найдете в книге клише с первой странички петроградской „Красной Газеты“. Но в ней как раз распределение материала происходит не по рецепту С. Срединского, а по важности его содержания и злободневности. И статьи пишутся не так, как обучают в руководстве: четверть на вступление, четверть на изложение, четверть на рассуждения, и т. д.

Забыл тов. Срединский, от чего предостерегал тов. Ленин.

Предлагаемая брошюра для провинциальных работников газетного дела ничего не дает. Для них нужен не пересказ о буржуазной газете и ее верстке, а нужна книга, в которой она нашла бы разрешение всех принципиальных и организационных вопросов, которые встают перед советским журналистом провинции, только еще выступающим на сцену. Мало этого. Нужно было поднать вопрос вообще о реформе газеты, а этого как раз и нет.

Говоря о всем на ходу, автор отсылает читателя к руководству, изданному Сувори-

ным, — „Наборно-типографское дело“, а сам рассказывает о газетном деле, как развешивают в провинции картины в кинематографе.

Следовательно, руководства нет, а есть что-то в роде списка типографских и газетных терминов.

Но книга газетного дела нужна, как необходимая школа журнализма, подготовки инструкторов для провинции.

Эту книгу следует написать и, может быть, не одному, а нескольким лицам специалистам по разным вопросам этого сложного дела.

М. М.

„Зарево Заводов“. Ежемесячный литературно-художественный журнал самарского Пролеткульта. Книга 1-я. 1919 г. Цена 3 р. 50 к.

Журнал „Зарево Заводов“ должен быть отнеем к числу лучших журналов, посвященных вопросам пролетарской культуры. По своему замыслу он приближается к московскому „Горну“, также стараясь быть летописью в борьбе за грядущую культуру, но по содержанию он беднее, и выдвинутые вопросы трактуются слишком обще, а потому и однообразно. Редакция сознает, что „группа пролетарских писателей и художников, объединившихся вокруг самарского Пролеткульта, взяла на себя трудную задачу разрешения очерченных вопросов пролетарской культуры“. Она ждет подкрепления и руководящих указаний в своей деятельности, а пока выполняет великое и трудное дело, насколько позволяют собственные силы. И если мы в следующих строках будем писать о недочетах этой книжки, то потому только, что горим желанием видеть журнал в полном смысле отвечающим своему символическому названию „Зарево Заводов“ и надеемся оказать посильное подкрепление.

Тон в журнале взят верный, и если временами музыка не ладится, то только потому, что в хоре есть чужие нам люди, которые при всей своей искренности не могут попасть в такт благодаря своей особой психологии, разрывательной, но чуждой рабочему классу.

В журнале есть стихи, проза, статьи, касающиеся вопросов живописи, музыки, литературы и, наконец, библиография.

Стихи обладают известными достоинствами; они звучны, встречаются оригинальные рифмы, есть педурные образы; они лучше многих стихов, появившихся в „Известиях“. Совдепов, но они не самостоятельны, слишком видна в них подражательность, а местами своеобразная напущенность, столь свойственная ложноклассицизму. Нас, например, далеко не удовлетворяет стихотворение М. Герасимова „Зарево Заводов“. Слишком оно пропитано отравой Вальмонга и Белого; нет в этом стихотворении логического единства, встречаются противоречивые образы, а иногда тяжелые и прямо-таки неудачные.

Вот автор несколько раз вспоминает лучи:

„Вот туч раздробленные груди“...

„Дроблю я льды прозрачных туч“...

„Туч продыхленный чернозем“...

„Подковы сталью кремьнь сплзый

Туч нарастающих секл“...

Нам совершенно непонятно, почему тучи выступают то как «продымленный черновозм», то как «прозрачный лед», то просто как «раздробленные груды» или «кремень сизый».

Скорее всего эта противоречивость образов объясняется погоней за внешностью стиха, чем за его содержанием и логичностью.

В другом месте Герасимов пишет:

«Трубой заводский свод расколот
И млечной пылью распылен».

Тут требуется слишком много модернистского воображения, чтобы понять, как можно свод небесный «млечной пылью» распылить.

«Над продымленным небосклоном
Зари кровавой брызнул сок»...

Брызнул сок... Этот образ неудачен, он артури понадобился для рифмы к слову «восток», но читатели сравнение ярких лучей утренней зари с брызгами сока несколько приводит в уныние.

Лучше написаны отрывки из поэмы Н. Павлович «Серафим», — поэмы, посвященной М. Герасимову, который в свою очередь посвятил Н. Павлович поэму «Монна-Лиза». По старому доброму обычаю: «долг платежом красен». Имя молодой поэтессы, воспитавшейся на символизме, как отмечает один из авторов ненужной в журнале статьи, встречались раньше в ура-патриотических буржуазных органах; теперь она в Самаре и пытается развивать пролетарскую культуру, глядя милого по головке с припевом:

«Я дождалась. Милый, милый,
Брачный полог наш готов»

или менторски поучая пролетарских поэтов в отделе библиографии.

Мы не против использования интеллигентских сил, но только в роли технических исполнителей и специалистов, а не как руководителей, задающих тон.

Стихи Н. Павлович тоже не самостоятельны, и пролетарского в них нет ничего. Стихи эти не следовало помещать, чтобы не превращать пролетарский журнал «Будущего» в журнал умирающего прошлого типа ворожежской «Сирени».

Н. Павлович уверяет, что

«Милый дождется созревшей души,
Зреет душа, как малина в глущи».

Милый может быть и дождется... Но критик-лет; критики—народ подозрительный, прицепляются к каждому слову. Их не удивишь и не смутит «сними коленами преклонившихся небес», или «медом предомленных светов»... Героиня поэмы Талиша убита и, конечно, со знаменем в руках. На этом поэма кончается, и мы можем перейти к следующему отделу, отделу статей. Последние стадают не только тем, что слишком общи и схематичны, но и неточностью формулировок как основных положений, так и второстепенных.

Неверно, что музыка—язык чувств и энтузиазма. Разве только энтузиазма? Разве пролетарий не переживает моменты неудач

и социальной борьбе и личной жизни и не будет переживать их в будущем в борьбе с природой? Разве эти стороны жизни не найдут отражения в музыке, когда они отражаются в поэзии? Верно, что пролетариат «обладает необыкновенным энтузиазмом и душевной бодростью», мы склонны даже усилить это, но мы знаем, что непреклонная железная воля, не исключает тяжелых переживаний в случае неудач и поражений.

В статье «К задачам музыкального отдела» автор пишет: «Задачей хорового отдела будет—снова возродить действительную народную песню и отвести ей должное место в обиходной жизни пролетариев».

Про русскую народную песню А. С. Пушкин писал:

От ямщика до первого поэта
Мы все поем уныло. Грустный вой—
Песнь русская. Известная примета—
Начал за зданье, за уюток
Сведем как раз. Печально согрета
Гармония и наших муз и дев,
Но гравится их жалобный напев».

Нам нужна новая песня, с другим настроением. Ее нужно создавать. Эта песня будет, как писал Л. А. Мей:

«Благостная, победная, раздольная,
Погордная, поселная, попольная».

Народная песня

«Во крови, в слезах крещеная-омытая
Не сама собой спелася-сложилася»,—
«С пустырей ее намело снегом-дождиком,

Нанесло ее пожарным дымом, копытою,
Намело ее с сырых могил метелицей»...

Новая песня торжествует, как мечтал Н. А. Некрасов:

«Веселая и ясная,
Как ведрыный денек:
Не дивно ли? Не страшно ли?
О время, время новсе!
Ты тоже в песне скажешься.
Но как... Душа народная!
Воссмейся ж наконец».

Увлечение народной песней мы считаем запоздалым и даже вредным. Ее мотивы способны бередить старые раны, тревожить мрачные воспоминания и навешать анти-пролетарские настроения пессимизма, отчаяния и слабоверия, при нашей к этому склонности.

В вопросе об изобразительных искусствах автор вспоминает слова В. Морриса: «Искусство должно не только пробудить в рабочих массах новый круг потребностей, но и довести их до такой интенсивности, чтобы красота стала для них такой же насущной потребностью, как и хлеб». Эти слова, полные глубокого смысла, вызывают вопрос о том, как сделать искусство доступным широким массам, чтобы последние воспитывались на нем, окруженные им во всей своей будничной жизни, а это в свою очередь выдвигает другой вопрос, более сложный—о формах искусства, об украшении городов, зданий, площадей как скульптурой, так и

стенной живописью. Если буржуазное общество довольствовалось храмами и музеями, то нам этого мало. Искусство должно пропитать всю нашу жизнь, а не служить приятным развлечением в праздничный день, когда от нечего делать ходят осматривать музеи. Это сторона дела, к сожалению, не затронута в статье.

Попутно отметим второстепенные мелочи. Не по-марксистски звучит утверждение: «Гений—он тем и велик, что его душа охватывает душу не только целого народа, но и всего человечества, и не только его эпохи, но и всех эпох». Если кому-либо непонятно наше замечание, того мы отсылаем к сборнику «Очерки реалистического мировоззрения». Там вопрос о гениях и героях выяснен с исчерпывающей полнотой.

Пора бросить сравнение искусства с «звездной» областью. Ближе к земле, скорее разрешим задачу.

Неверно утверждение, что формы греческой скульптуры «мертвы».

Автор утверждает то, чего он не знает. В «Лекциях эстетики» Тэн указывает, что грек так овладел формой, что у него не нашлось соперников до сих пор; в своей чистой и ясной скульптуре он отразил полностью ясное, спокойное, ничем не затуманенное свое мировоззрение. Аристотель, рисуя блестящую будущность юнше, говорит: «И будешь ты с полной грудью, белой кожей, широкими плечами, развитыми ногами, в венке из цветущих тростников гулять по свещенным рощам, вдыхая в себя аромат трав и распускающихся тополей».

Живое тело, способное на всякое мускульное дело, греки ставили выше всего; и естественно, что о «мертвых» формах греческой скульптуры говорить нельзя.

Наконец, мы должны остановиться на библиографии. Этот отдел в наших журналах весьма ответственный. Задачи его сводятся не к тому, чтобы «разнести», «нахвалить» или «снисходительно похлопать по плечу автора», а самым тщательным образом анализировать отданное на общественный товарищеский суд, анализировать не с внешней стороны, а с внутренней, со стороны глубины содержания, и в зависимости от требований развертывающихся событий истории; тут нужна определенная пролетарская точка зрения, должны быть ясны задачи критики, а они к тому же меняются, и эту задачу не могут, конечно, выполнить вчерашие приплывшие из враждебного лагеря. Рецензии, подписанные Н. П., носят стереотипный, казенный характер. Кого и чему научит, например, рецензия на «Две жизни» Н. Стеиново?.. Взято случайное произведение; сама рецензия носит формальный характер и бедоказательна, а где автор, на протяжении двух строк, пытается говорить о жизнепригодности пролетарской культуры, там—путаница. Н. П. радуется, что А. Белый «одним из величайших русских теоретиков стиха», вместе с пролетариатом творит «новую чаемую культуру». Верно, конечно, что А. Белый—мастер стиха, но когда он, а за ним и другие, воспринимавшиеся как символисты, начинают «творить чаемую культуру», нас берет страх, и мы утешаемся одним, что скоро пролетариат освободится от этого «творчества», а интеллигенция сделает своей слугой, как она служила прежде буржуазии.

Надо отметить, что у Н. П. развита особенная любовь к московскому творчеству и некоторое недоверие к петроградскому, где как раз сформировались и работают лучшие пролетарские поэты.

Не совсем складно написана передовая «К моменту». Вместо того, чтобы ярко подчеркнуть, что пролетарских писателей и художников нельзя выделять из рабочего класса, редакция пишет, что пролетарские писатели прошли тяжелый путь борьбы вместе с российским пролетариатом. Это неудачное слово «вместе» как-то стрывает пролетарских писателей от масс, а этого нельзя делать.

Журнал издан хорошо. Неизвестно для чего на рисунке обложки среди облаков и дыма проглядывают какие-то непонятные чудища, безобразные, но не страшные.

В. Полянский.

„Мир и человек“. Пролетарский литературно-художественный журнал. Издание колхозного Пролеткульта. №1. Январь 1919г. Цена 1 руб.

«Мы живем в маленьком городке, выросшем вокруг большого завода, но нет такого угла сейчас на нашей земле, который не чувствовал бы себя в центре мира; и нет никаких данных теперь жителю самого незаметного допрежде уголка нашей Федеративной Социалистической Республики Советов не чувствовать себя человеком в самом благородном и гордом значении этого понятия», так пишут товарищи колпинцы. И полные веры и энтузиазма в неконечную победу над озверелым миром империалистов, они сплываются вокруг этого журнала, чтобы присоединиться к творчеству новой жизни.

Мы глубоко приветствуем это, так как новую жизнь может создать только сам пролетариат своей неустанной творческой работой. Добрый час!

Данный номер по своему содержанию беднее других пролеткультовских журналов; представленная беллетристика и стихи не отличаются художественными достоинствами, нет особенной глубины и в статьях. Но эти недочеты пусть не смущают наших товарищей; как первый опыт журнал хорош, он во много раз превосходит те многочисленные провинциальные «Известия», где сплошь и рядом пристыженная советским учреждениям интеллигенция пишет безграмотные статьи.

В журнале есть определенная, верно взятая линия. Уже это одно позволяет поставить журнал на известную высоту. Необходимо также отметить, что темы беллетристики взяты из быта. Это тоже важно. Пога переходит от чисто гражданских мотивов к мотивам бытового свойства, пога захватывает жизнь шире.

Грошик (С. Копейкин) описывает, как заводские, ошмивали котелка, дав ему взаймы деньги на «привальное» и отказав на подписней лист в пользу бастующих.

Васильев запечатлел трагический момент из борьбы „белых с красными“.

Лонтин изобразил жизнь маленькой станции и печальную смерть случайно погибшего машиниста.

Л. Покровский попытался дать эскиз на психологическую тему.

За время трехлетнего пребывания на фронте жена именует мужа и сходит с его „лучшим“ другом. Еще по письмам жены на фронт муж предчувствует, что дома не все ладно. Когда он внезапно является домой, то возмущенный ложью жены избивает своего „лучшего“ друга. Дело доходит до дуэли, во время которой противник был настолько жалок и гадок, что муж стреляет в воздух. Под Казанью, когда красные разбили белогвардейцев, герой рассказа настолько увлекается, преследуя противника, что попадает в плен; там он встречает своего „друга“, укравшего жену. Последний „удивился и ехидно обрадовался, узнав его при допросе. Какая дикая месть и злоба были на его лице, когда он приказал своим подчиненным: этих завтра утром расстрелять“, что и было, конечно, исполнено. Таково содержание.

Автор взял старую тему, уже использованную давным-давно и в то же время довольно сложную по выполнению, и естественно не справился с задачей.

Б. Васильев дал маленькую картинку из жизни на фронте.

В статье „Что такое Пролеткульт“ И. Садофьев выясняет вопрос об отношении Пролеткульта и революции. Он справедливо пишет следующее:

„Революция и пролетарская культура имеют неразрывную связь. И когда мы говорим: да здравствует Революция, то вместе с те-

произносим: „Да здравствует Пролетарская Культура“. Пролеткульт—духовная революция для старого, черного капиталистического мира страшнее, опаснее всякой бомбы и физической революции. Они хорошо знают, что физическая революция, это—четверть, большевистской советской победы, а революция духовная—полная победа“.

К. Лонтин в своей статье „Наша задача“ в сжатой, но ясной форме излагает основные теоретические предпосылки в работе Пролеткульта, закрепленные в резолюциях Всероссийской Конференции.

В отделе „Русская Пролетарская поэзия“ помещены критические заметки по поводу сборника И. Садофьева „Динамо стихов“.

„Стихи тов. Садофьева,—пишет автор,—нельзя читать, как все прочие стихотворные издания, это—лучший образец новой пролетарской поэзии, которая требует серьезного к себе отношения и особенного внимания. Его стихи—вечное движение радостного труда, борьбы и победы“. Рецензент отмечает мимоходом, что в своей поэзии тов. Садофьев типично оригинален, хотя „иногда в погоне за новой формой и новым ритмом впадает в некоторую крайность“.

Не следует подпускать к журналу Н. Клюева, который числится в списке сотрудников. Этот талантливый поэт принадлежит к группе обывательствующих крестьянских поэтов, кривляющихся С. Есенина, П. Орешкина и др. Отзыв о них читатель может найти в этом же номере „Пролетарской Культуры“.

Журнал „Мир и Человек“ издан с любовью, на довольно хорошей бумаге, четким шрифтом, без всяких футуристических украшений. Просто и приятно. — П. Л.

Редакция журнала просит присылать ей для отзыва рабочие журналы и сборники пролетарских писателей и поэтов.

Издатель —

—Всероссийский Совет Пролет. Н.-Пр. Организаций.

Редактор —

Редакционная Коллегия.

Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. дом.